

Джейми Макгвайр
Аполлония
Серия «Сто оттенков любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10322323
Макгвайр Дж. Аполлония : роман: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2015
ISBN 978-5-389-10296-5

Аннотация

Рори Риордан чудом выжила в тот день, когда вся ее семья погибла от рук убийц. И даже три года спустя она никому не доверяет: ни своему профессору, который опекает ее после смерти родителей, ни красавцу-однокурснику Бенджи, который просто не дает ей проходу со своими ухаживаниями. Рори твердо намерена держаться подальше от Бенджи, тем более что в группе появился новый студент, загадочный темноволосый Сайрус. Девушка и не подозревает, что с появлением Сайруса она вновь окажется на грани жизни и смерти, когда узнает мрачную тайну, угрожающую существованию самого человечества...

Впервые на русском языке!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джейми Макгвайр

Аполлония

Посвящается всем, кто сдерживал меня в детстве, опровергал, заставлял плакать или чувствовать себя никудышной, смотрел на меня сверху вниз или думал, что из меня ничего не выйдет.

Посвящается всем тем людям, которые уверяли меня, что, повзрослев, я перестану тратить время на бессмысленные фантазии.

И моему отцу, покойному Даррелу Макгвайру, за то, что передал мне свою упрямую гордость и бунтарскую натуру.

Посвящается всем, кто говорил, что наша жизнь всегда имеет цель, а трудности преподают нам некий урок.

Спасибо вам за то, что дали мне мотив усердно работать и в итоге преуспеть.

Все то, что убивает меня,

Помогает чувствовать себя живым.

Из песни группы «One Republic» «Считая звезды»

Jamie McGuire

APOLONIA

Copyright © 2014 by Jamie McGuire

All rights reserved

© Т. Голубева, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Они убили меня, но я ожила. Лежала на полу отеля, мои длинные черные волосы пропитывались кровью, а я думала, что вот он – конец, но ошиблась.

Я очнулась в госпитале, одна, без лучшей подруги Сидни и без родителей. Их принесли в жертву первыми, и тогда убийцы действовали более основательно. До меня же добрались, окончательно опьянев и обдолбавшись, а потому сильно не старались – по крайней мере, так утверждается в полицейском отчете.

Но я-то знаю правду.

Через пять месяцев после гибели Сидни и родителей мне пришлось уехать в милый старый город Хелена в штате Индиана, за четыре штата от моего дома. Из жертвы убийц я превратилась в первокурсницу Кемптонского технологического института.

Стоя перед зеркалом в комнате студенческого общежития, обнаженная, я провела пальцами по своим слишком длинным волосам. Последние два года я постоянно теряла в весе. Все чувства притупились, душа словно онемела после того, как я умерла. У меня больше не было причин радоваться, что-то праздновать, и еда стала похожа на скучную обязанность, а не на источник удовольствия.

Под моими ногами лежало дешевое белое полотенце, готовое принять на себя темные пряди, которые я стала состригать: сначала – над одним ухом, потом постепенно перешла к другому. У меня были густые и блестящие волосы, единственное, по словам отца, что досталось мне от матери.

Ножницы срезали все, кроме полосы шириной в четыре-пять дюймов на макушке. Я провела ладонью по голове. Приятные ощущения. С боков и отчасти на затылке я побрила голову, а пряди, оставшиеся наверху, спадали почти до подбородка. Выглядела новая прическа отвратительно. Но она освобождала.

Мне понравилось ощущение свободы.

В институте все равно не слишком многие меня замечали, а теперь если и обратят внимание, то не узнают. Семнадцать дюймов сияющих черных волос, которые всего несколько минут назад спадали до середины спины, лежали на полу. И каждая прядь была когда-то пропитана моей кровью. Всякий раз, когда я смотрела на свои волосы в зеркале или прикасалась к ним, в памяти всплывала одна и та же картина. И неважно, сколько шампуня я выливали на голову, – он не мог смыть ту ночь.

Желая убедиться, что действую не опрометчиво, я долго ждала, но терпение лопнуло.

Я приняла душ, чтобы смыть колючие обрезки волос с кожи, и вышла в комнату, посмотрела в зеркало. Вид был немного пугающий, но с каждой секундой отражение казалось все менее отвратительным. Я надела любимую черную куртку с капюшоном поверх поношенной футболки от Курта Кобейна, втиснулась в узкие серые джинсы и, прежде чем схватить рюкзак, повернула на полный оборот маленькую серьгу с крошечным бриллиантом в правой ноздре. Еще раз оглянулась на зеркало, восхитилась отсутствием запятнанных волос и позволила себе подумать о том, что, будь моя мать жива, она бы снова умерла, увидев меня вот такой.

Как и на первом курсе, я раз в неделю посещала геобиологию и астробиологию; курс читал знаменитый астробиолог доктор А. Байрон Зорба. Вернее, это студенты называли его доктором Зорба. Но поскольку он был наставником моего отца, когда тот еще учился здесь, а позже стал другом семьи, я всегда звала профессора доктором Зетом.

По неизвестным мне причинам папа и доктор Зет долгие годы поддерживали отношения, и мой отец частенько советовался с профессором. Когда доктор Зет навещал нас, я с большим удовольствием слушала за ужином рассказы о его экспедициях и исследованиях. Я,

будучи дочерью двух идеалистичных ученых, не только не вписывалась в компанию других детей, но даже и не испытывала желания налаживать с ними отношения. Пока большинство сверстников играли в пожарных или супергероев, я в игрушечной лаборатории зарабатывала Нобелевскую премию. Куклы и мальчики вызывали во мне скуку, уверена, что и последние со мной сучали. Я могла без конца говорить о телескопе Кека, в то время как большинство детей едва умели написать собственное имя, а моим героем был доктор Байрон Зорба.

После похорон моих родителей доктор Зет заявил, что я должна учиться в Кемптоне, хочу я того или нет, и сам написал за меня заявление о приеме. Он также позаботился о том, чтобы все мое наследство было должным образом и как можно быстрее переведено в фонд колледжа.

А перед первым семестром доктор Зет предложил мне должность своего помощника по исследованиям. Моим родителям, жившим на жалованье ученых, вечно не хватало денег на оплату счетов. Я же надеялась, что зарплата помощника слегка увеличит скудный стипендиальный фонд и обеспечит деньгами на ежедневные расходы, которые этот фонд не покрывал.

Доктор Зет совсем недавно вернулся из летней научной экспедиции в Антарктику и все еще в восторге приплясывал от своей находки – камня размером двенадцать на пятнадцать дюймов и весом в двадцать семь фунтов. На меня возлагалась обязанность записывать все данные и приводить их в порядок. Должна признать, этот камень не произвел на меня впечатления, и энтузиазм доктора Зета казался мне непонятным.

Я вошла в лекционный зал и зажмурилась от яркого солнечного света, бывшего в многочисленных узкие окна на противоположной стене. Стол доктора Зета, маленький и заваленный бумагами, стоял на возвышении в центре зала, окружали его уходящие вверх ряды крошечных парт с ужасно неудобными сиденьями.

Я влилась в цепочку студентов, что поднимались по ступеням аудитории и выбирали, куда бы сесть; я шаркала ногами, медленно продвигаясь вперед.

– Эй! – прозвучал над ухом знакомый голос.

Я отклонилась, взглянула на лицо и направилась к той части аудитории, что примыкала к стене без окон. По совершенно необъяснимым причинам с первых дней учебы Бенджи Рейнолдс преследовал меня, как охотничий пес. Я надеялась, что моя новая прическа перепугает его. Он был маменькиным сынком и к тому же слишком хорош собой и слишком счастлив, чтобы обращать внимание на такую, как я.

– Хорошо провела лето? – спросил он с широкой улыбкой.

Не сомневаюсь, что уж он-то провел лето отлично. Глядя на золотистый загар, я представила, как Бенджи с мая по август лежит у бассейна или гуляет по пляжу рядом с загородным домом ценой во множество миллионов долларов, каким, похоже, владели его родители.

– Нет.

– Но ты хотя бы попыталась?

– Нет.

Меня уже раздражал поток студентов, слишком долго выбиравших место.

– Привет, Бенджи!

Стефани Беккер поднялась со своего места. Невысокая, с изумительной фигуркой, она крутила локон длинных светлых волос и тарасилась на Бенджи с наиглупейшим видом. Она наклонила голову к плечу, и глаза у нее затуманились, когда Бенджи завертел головой, соображая, кто его окликает.

– Привет, – ответил он, уделив Стефани лишь секунду, и снова обратился ко мне: – Я надеялся, что ты будешь слушать этот курс.

Его карие глаза засияли.

Он был прекрасно сложен, у него был красивый волевой подбородок, но у меня не получалось увидеть в нем что-то, кроме... ну, кроме Бенджи.

Наконец, в десятом ряду, я шагнула в сторону от прохода и уселась за ту же самую парту, где сидела в прошлом году. В предыдущем семестре я слушала в этом зале нескольких профессоров и привязалась к своему месту.

Бенджи устроился рядом, и я зло уставилась на него.

– Я ведь могу здесь сесть, да? – спросил он.

– Нет.

Бенджи засмеялся. Зубы у него были слишком ровные, осанка – слишком безупречная.

– Ты такая забавная. А уж волосы... ого! – воскликнул он, пытаясь найти не очень обидное определение.

Я ждала, когда же он выразит отвращение, но он только улыбнулся:

– Совершенно необычно, дико и интересно. Как и ты сама.

– Спасибо, – откликнулась я, возмущенная тем, что он вынудил меня на любезность.

Бенджи снял куртку, открыв безупречно отглаженную белую рубашку из дорогой ткани. Закатай он хотя бы рукава до локтя, я могла бы его простить, так ведь нет! Манжеты застегнуты на все пуговицы.

– Ты могла бы и наголо побриться – и все равно осталась бы прекрасной, – сообщил Бенджи.

– Я об этом подумаю.

Бенджи хихикнул и окинул взглядом аудиторию. Любая девушка в Кемптоне ухватилась бы за малейший шанс назначить ему свидание. Но не я. И не потому, что Бенджи непривлекателен, наоборот. Мы и другие курсы слушали вместе, и он был одним из лучших студентов в Кемптоне. Он даже не скучный, иногда смешил меня. Наверное, я просто ждала чего-то... другого.

Доктор Зет закопался в бумагах на столе, и я этому порадовалась. Аудитория уже почти заполнилась, а мне не хотелось привлекать к себе внимание, вздумай профессор меня поприветствовать. Он очень добр, но его уж слишком волновала жизнь как таковая, я же отличалась мрачным состоянием духа. Но только я расслабилась, откинувшись на спинку сиденья, как профессор поднял голову.

– Рори! Я тебя едва узнал. Только что послал тебе электронное письмо. Получила?

Все разом повернулись посмотреть, к кому обращается профессор.

– Нет. – Я сползла вниз по сиденью.

Доктор Зет, невысокий и пухлый, с кольцом серебряных волос, обрамляющих голову, и с такой же седой растрепанной бородой, выжидающе смотрел на меня.

Я сжала губы и наклонилась к сумке, чтобы достать ноутбук. Профессор, судя по всему, не собирался отставать от меня. Компьютер заработал, и я открыла почту.

Мой кивок не удовлетворил доктора Зета. Он вытаращил глаза и энергично затряс головой, поощряя меня к продолжению.

Я открыла сообщение от профессора с пометкой «СРОЧНО». В письме строка за строкой бежали данные, которые профессор за выходные извлек из своего невыразительного камня. Просмотрев их, я снова кивнула.

На этот раз профессор уgomонился:

– Вечером поговорим об этом.

Меня кольнуло легкое чувство вины. Разочарование в глазах профессора было слишком очевидным, но ведь это просто камень! Даже с учетом того, что его состав неизвестен земной науке, то есть он прилетел откуда-то из Вселенной. Инопланетный камень. Если бы мы до сих пор считали, что Земля плоская, и ничего не знали об окружающем мире, я бы поняла волнение доктора Зета, но при сегодняшних достижениях науки все казалось... скучным.

Однако доктор Зет легко приходил в волнение, был человеком азартным и иной раз даже склонен к драматичности. И полученное мной сообщение заканчивалось словами: «Полная секретность!»

Хранить тайны я умела. Сплетни меня не интересовали. Набирать данные на клавиатуре мне совсем не сложно. А вот выслушивать непрерывные восторги профессора об особенностях камня, да еще до трех утра, а потом пытаться сосредоточиться на лекции в восемь... это уж слишком.

– Сайрус! – произнес доктор Зет достаточно громко, чтобы привлечь мое внимание. – Мы можем поговорить о твоей просьбе стать моим помощником после этой лекции.

«Какого черта? Это я – его помощница!»

Я проследила за взглядом доктора Зета и увидела пару светло-карих глаз, окруженных оливковой кожей. Мужской пол меня не интересовал, и потому я очень удивилась мурашкам, вдруг побежавшим по коже. Впрочем, они не имели значения. Я уже ненавидела этого человека.

Сайрус сидел в первом ряду, напротив доктора Зета. И был таким обыкновенным... Рубашка в красно-синюю клетку, с закатанными до локтя рукавами, свободные желтовато-коричневые штаны. Я не видела его обувь, но сразу представила пару глупых ботинок для пеших прогулок. Одежда придавала парню небрежный вид, но это казалось... притворным, деланным. Да и сам он выглядел слегка искусственным – движение, выражение лица, – как будто отчаянно старался не выделяться из толпы. Я была не в силах оторвать взгляд от его затылка, отмечала каждую прядь темных волос, восхищалась им и одновременно желала ему помереть на месте.

– Итак, добрый день! – начал доктор Зет. – Я доктор А. Байрон Зорба, и вы начинаете слушать курс геобиологии и астробиологии... с... э-э... лабораторными работами. Но они будут проходить в другом месте... э-э... позже, – добавил он. – Вам придется записаться на лабораторный курс, отдельно от курса лекций. Если не хотите, поговорите об этом в администрации. Итак. Здесь и в лаборатории вы станете изучать с помощью микроскопа органические вещества – камни и прочие образцы окружающей среды. Вы будете делать вытяжки из этих образцов и, что куда более важно, истолковывать и интерпретировать их. Кроме того, мы воссоздадим древнюю среду, чтобы понять, как данные образцы связаны с жизнью.

– Да ужжж, – прошипел Бенджи.

– Вообще-то, совсем неплохо. Не будь ребенком, – парировала я как можно тише, пока профессор разъяснял правила работ и программу курса.

– А я все так же бегаю по утрам, – сообщил Бенджи. – Ты тоже могла бы со мной пробежаться.

– Я не бегаю.

– Но это ведь очень полезно. Тебе стоит попробовать.

– Я не собираюсь вскакивать на рассвете и носиться, пока не перестану мерзнуть. Это не полезно. Это глупо.

Бенджи только улыбнулся; мой ответ его позабавил.

– Простите, профессор, – заговорил Сайрус, поднимая авторучку. – С кем мне следует поговорить...

Я не расслышала вопроса. Прежде ни за что не обратила бы внимания на легкий британский акцент и безупречную грамматику говорившего, но в этот день они показались мне раздражающими и высокомерными.

Мало того что Сайрус был высок, смугл и хорош собой, так еще и по мере продолжения курса доказал, что он самый преданный и старательный ученик доктора Зета.

Доктор Зет ответил на вопрос Сайруса, помолчал. А потом спросил:

– Могу ли я поинтересоваться... откуда вы родом?

– Простите? – недоуменно откликнулся Сайрус.

– Мне просто интересно... вы, случайно, не египтянин?

Не знаю, какое выражение лица было в этот момент у Сайруса, наверняка он улыбнулся, потому что доктор Зет вдруг хлопнул в ладоши и тоже расплылся в улыбке.

Потом доктор Зет похлопал Сайруса по плечу и несколько раз покачал пальцем из стороны в сторону.

– Нам нужно о многом поговорить. Подойдите ко мне после занятий.

– Ох, черт, это уж слишком, – проворчала я себе под нос.

Профессор увлекался Египтом. И я подумала, что именно происхождение Сайруса вызвало восторг доктора Зета, но оказалось, это совсем не так. Сайрус так и не ответил на вопросы доктора Зета, зато задал не меньше десятка собственных. Он оказался весьма любопытен, и не могу не признать, что его вопросы были своего рода произведениями искусства.

Доктор ответил на некоторые, после чего минут десять читал лекцию, потом продиктовал список литературы и отпустил всех минут на двадцать раньше положенного.

Студенты переглядывались, не зная, что делать, пока я не начала складывать вещи. Это вызвало цепную реакцию, аудитория зашумела, студенты закрывали ноутбуки и засовывали их в сумки, собираясь уходить.

Когда аудитория опустела, Сайрус подошел к возвышению, и они с профессором тихо заговорили о чем-то, постоянно кивая и изредка улыбаясь.

«Ох, черт, нет...»

Я встала, схватила рюкзак, спустилась и остановилась рядом с Сайрусом.

– Сайрус только что вернулся, он провел лето на Мали, – с улыбкой сообщил мне доктор Зет.

– Вот как? – ледяным тоном произнесла я. – У тебя там родственники?

– Нет, – невыразительно ответил Сайрус.

Он не снизошел до объяснений, я же тарасилась на него, пока он не сконфузился и не отвел взгляд. Это был мой любимый фокус, я его часто использовала.

– Сайрус занимался исследованием племени догонов. Очень интересно, – сказал доктор Зет. – Он станет третьим членом нашей группы.

– Что? – воскликнула я гораздо громче, чем хотела, и достаточно высоко, чтобы смутиться.

Сайрус кивнул нам обоим и ушел.

– Вы решили меня заменить? – Мое сердце бешено колотилось.

Работа помощника была связана с моими собственными исследованиями. Если Сайрус отберет мое место, он лишит меня большего, чем зарплата. А искать что-то новое уже поздно.

– Разумеется, нет! Ты же видела данные, которые я тебе прислал. Просто у тебя не останется времени ни на что другое, если я не возьму еще кого-то в команду.

– Я и сама могу справиться, – возразила я, хотя и испытала облегчение. – Вы же знаете, я не уезжаю на каникулы. И не против работы на выходных.

Доктор Зет улыбнулся:

– Рори, я знаю, что ты согласна работать по выходным, но тебе ведь просто приходится это делать.

Он вышел из аудитории, оставив меня со странными фигурками и артефактами. Все это не имело смысла. Доктор Зет всегда был очень аккуратен и осторожен. И я даже представить не могла, что он бы пригласил на работу кого-то, кому не мог бы полностью доверить свою драгоценную лабораторию. Что-то в Сайрусе вызывало у меня странные чувства, хотя он и не выглядел опасным или недостойным доверия. И если профессор счел возможным взять его третьим в команду, ему следовало упомянуть об этом раньше. Я видела только одно

объяснение тому, что узнала новость в последний момент: профессор действительно предполагал меня заменить. Более того, столь поспешное приглашение в лабораторию нового студента было нехарактерным для профессора. И тревожным.

Мой взгляд блуждал от одного артефакта к другому. Я не могу потерять место ассистента доктора Зорбы. От него слишком многое зависело.

В аудитории потемнело, я взглянула на окна. В небе клубились темные облака. В это время года они скорее принесут холод, чем грозу. Задул ветер, и с огромных дубов полетели листья. Я достала из кармана куртки тюбик помады, провела им по губам. Я любила осень до той ночи, когда умерла. А теперь она казалась мне зловещей.

Стиснув зубы, я подняла рюкзак и забросила его за плечо. Я не потеряю место ассистента доктора Зета. Сайрус может взять свои умные и тщательно выстроенные вопросы и засунуть себе в задницу.

Глава 2

«Вода? Есть. Булочка? Имеется...»

Похититель должности, еще более красивый в очках в черной оправе, сидел за столом слева от меня, трудясь изо всех сил.

Я вздохнула.

Мы провели в подвале Фицджеральд-билдинг уже два часа и не обменялись ни словом. Скучный камень лежал в стеклянном футляре по другую сторону от Сайруса, Сайрус, не отрываясь от микроскопа, заносил данные в компьютер.

Я скривилась. У меня не получалось одновременно изучать объект через микроскоп и набирать текст на клавиатуре. «И ладно. Научусь».

Лишь один раз я поймала на себе взгляд Сайруса. Но его золотистые глаза тут же вернулись к объективу микроскопа, и я решила, что мне почудилось. По крайней мере, он не видел, как я сама с десятков раз косилась на него.

Мои ногти постукивали по клавиатуре компьютера. «Надо их подстричь сегодня же. Все равно же не делаю маникюр».

Я отгрызла очередную заусеницу и выплюнула ее на цементный пол, потом куснула свой жалкий ужин. Крошки от булочки посыпались на стол. А Сайрус ничего не ел, даже глотка кофе не сделал за все время.

Думая лишь о том, как добиться совершенства, вместо того чтобы сосредоточиться на цифрах, я рисковала потерять место. Я рассердилась на себя и застучала по клавишам ноутбука так, словно лабораторию охватило пламенем и мне необходимо закончить работу, чтобы выжить.

В полночь Сайрус сложил вещи, не сказав ни слова, вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

– Да! – закричала я в воздух и вскинула вверх кулаки.

Еще денек, и я его побью. Я собиралась задержаться на час, а на следующий день сообщить доктору Зету, что работала дольше, чем Просторные Штаны.

Потом вдруг я осознала, что без постукивания клавиш компьютера Сайруса в лаборатории стало слишком тихо, а торчать в подвале одной как-то неприятно. Но это не имело значения. Я проработаю на час дольше Сайруса. Час – вполне приличное время для отчета.

В час ночи я зевнула, с треском размяла пальцы и сложила вещи. В здании имелись и лифт, и простая лестница, что было мне по душе. К лифтам я относилась с предубеждением, в особенности по ночам и тем более когда была одна. Именно в лифте я столкнулась со своими убийцами.

Я спустилась по лестнице, проскочила через стеклянные входные двери и заметила группу студентов, шедших куда-то, потом еще одну... Оглядевшись, обнаружила еще немало студентов, все они направлялись в ту же сторону. Чувствуя себя леммингом, я присоединилась к толпе.

Группа привела меня к старому зданию, отстоявшему от кампуса на пять кварталов, потом – вниз по лестнице, через дверь. Звуки и запахи внутри ошеломляли. Я попала на грандиозную пьянку с девицами из женских клубов и умниками из «мозговых центров». Перебравшись на восток, в Кемптон, я все два года избегала разного рода сборищ, вечеринок, собраний, незаконных боев, да и вообще людей. И тем не менее я была здесь, без какой-либо причины вдыхала плотный дым, наступила во что-то липкое и позволяла оглушать себя группе «Топ-40».

Я развернулась на пятках и пнула дверь ногой, намереваясь уйти, – и дверь врезалась точнехонько в нос Бенджи Рейнолдса.

– Господи! – заорал он, хватаясь за лицо и сгибаясь пополам.

Между его пальцами сочилась кровь.

– Проклятье, Бенджи! – Я схватила его за рукав и потащила через комнату.

В дальнем конце подвального зала выстроилась очередь – верный признак того, что поблизости находится туалетная комната или угол с бочками. В общем, я бесцеремонно протаскивала Бенджи мимо жаждущих облегчиться.

Увидев дверь вместо бочонка, я радостно выдохнула:

– Слава богу!

– За что? – гнусаво поинтересовался Бенджи.

Он зажимал нос пальцами, закинув голову. Но не стал сопротивляться, когда я втащила его внутрь.

– Эй! – завизжала какая-то девушка. – Не лезьте без очереди!

– Да пошла ты, – бросила я, захлопывая дверь у нее перед носом.

Я выдернула из коробки на стене несколько бумажных полотенец и протянула их Бенджи. Он вытер руки, я же промокала его нос салфетками.

– Спасибо, Рори, – прогнусавил Бенджи.

Я вздохнула:

– Не стоит благодарности. Это ведь я тебя ударила.

– Ты не виновата. Я слишком торопился. Я шел сюда, увидел тебя и...

– Бенджи! – Я закрыла глаза и покачала головой. – Не надо.

Он кивнул, смутившись.

Я смочила водой еще одно полотенце и стерла кровь с рук Бенджи, а он все еще зажимал нос, задрав подбородок к потолку. Бенджи был на голову выше меня, так что мне пришлось приподняться на цыпочки, чтобы прижать салфетку к его носу.

Кто-то заколотил в дверь.

– погоди минуту, задница! – закричала я.

Робкая улыбка Бенджи выглядела до отвращения очаровательной. Его короткие рыже-красные волосы рассыпались по сторонам, а миндалевидные карие глаза скрывались за такими длинными ресницами, что любая женщина заплатила бы за подобные кучу денег. Одни только зубы и сильный подбородок могли бы завоевать стаю прелестных юных леди. Но я была не милой и не леди и даже вообразить не могла причину, по которой Бенджи меня так упорно преследовал.

Противно это признавать, но, возможно, я даже слегка привязалась к Бенджи. Но он был таким симпатичным... Слишком симпатичным. А я не хотела симпатичного. Я вообще никого не хотела.

– Ладно, порядок, – сообщила я, когда кровь остановилась.

Но рубашка и щеки Бенджи все еще были покрыты красными пятнами.

– Я провожу тебя домой.

– Это я должен тебя провожать.

– Я не истекаю кровью.

В дверь снова заколотили, и я открыла ее. Девушки ворвались в туалетную – и попятись, наткнувшись на мой бешеный взгляд, а я потащила Бенджи наружу.

– Отличный вечерок, – улыбнулся Бенджи, когда мы вышли на улицу и направились к студенческому городку.

– Наверное.

– Тебе следует бегать со мной по утрам.

– А тебе пока не следует бегать. Нос, возможно, сломан. Можно разок и проспать.

Бенджи хихикнул, отвергая мой совет.

– Извини, что из-за меня пропустила вечеринку.

– Я собиралась уйти, помнишь?

– А я подумал: как странно, что ты вообще туда пришла.

– Почему?

Бенджи засмеялся:

– Потому что ты никогда не ходишь на вечеринки.

– А... да.

Я украдкой посмотрела на Бенджи. Он выглядел ужасно глупо – весь в крови и с улыбкой. Уголки моих губ невольно поползли вверх.

– Эй, да ты никак улыбнулась?

Я поспешно сделала строгое лицо.

Бенджи сунул руки в карманы:

– Я должен это отметить.

– Уже отметил.

Мы дошли до мужского общежития имени Чарльза Л. Чарльстона, обычно именуемого просто «У Чарли». Здесь когда-то жили чопорные, занудные, поглощенные учебой будущие инженеры, но это было еще до нашего рождения. А теперь общежитие набито веселыми умниками вроде Бенджи.

Бенджи придирчиво осмотрел бумажное полотенце, прежде чем еще раз вытереть нос и выбросить бумагу в мусорную корзину в десяти футах от него. Ком попал точно в цель. Бенджи посмотрел на меня с горделивой улыбкой.

– Спокойной ночи, Бенджи. Приложи к носу лед.

– Обязательно. А ты... ты уверена, что тебя не нужно провожать?..

– Уверена. Позаботься о себе.

Я развернулась, собираясь уйти, но не вышло – Бенджи схватил меня за руку. Инстинктивно я вцепилась в его запястье свободной рукой и дернула, перебрасывая Бенджи через плечо, – он грохнулся о землю. И громко хрюкнул – от удара из его легких вылетел весь воздух.

– Ох, чтоб тебя! Прости! – воскликнула я, отчасти смущенная, а отчасти обозлившись из-за того, что мне снова приходилось быть с ним милой.

Бенджи застонал.

– Ты... ты ушибся?

Мне стало ужасно неловко. И вообще-то, хотелось поскорее уйти, не интересуясь дальнейшим. Это было бы куда легче, чем стоять здесь, протягивая руки к Бенджи, – я просто не знала, как до него дотронуться, чем помочь.

– Я, конечно, знаю, что ты особа непредсказуемая, но ты все равно не устаешь меня удивлять. Где такому научилась?

– Не твое дело. Встать можешь?

– Чтобы ты снова на меня напала?

Я сделала большие глаза и помогла ему подняться:

– Я на тебя не нападала. Я защищалась.

Бенджи засмеялся и ткнул себя в грудь:

– От меня?

Мне не нравилось, как он смотрел на меня: весело и кокетливо, по-особенному, то есть так, как не стоило смотреть.

– Ты просто задница. Мне стало совсем плохо, но ты меня рассмешила.

Я пошла было прочь, но Бенджи снова схватил мою ладонь.

Я оглянулась, посмотрела на свою руку:

– Ты кто, самоубийца?

– Видимо, да, – ответил Бенджи и отпустил меня. – Давай-ка посидим минутку.

– Слишком холодно. Я иду домой.

– Значит, я пойду с тобой.

– Бенджи! – Я разочарованно вздохнула. – Нет! Я могу сама о себе позаботиться.

– Это я понял.

– Ты бесишь меня! И прежде чем спросишь, поясню: не в хорошем смысле.

Бенджи сел на вторую ступеньку перед входом и похлопал по ней:

– Ты сломала мне нос. Можешь уделить пять минут сочувствия в качестве компенсации?

– Это что, попытка пробудить во мне чувство вины?

– Да.

Я села рядом и сложила руки на груди.

Бенджи улыбнулся:

– Тебе действительно холодно?

– Нет.

– Ты проголодалась? Могли бы забежать в «Макдоналдс».

Я скривилась и отодвинулась от Бенджи:

– Ты и вправду самоубийца! Каждый раз, когда там перекусываешь, ты на шаг приближаешься к сердечному приступу.

– И что? Это же вкусно!

– Я не голодна.

Мы просидели несколько минут в неловком молчании. По крайней мере, для меня оно было неловким. Но Бенджи выглядел довольным.

– Ну... думаю, мне лучше уйти. – Я поднялась.

Бенджи тоже встал:

– Ты так и не сказала, почему явилась на ту вечеринку.

– Мне просто нужно было куда-то выбраться, – ответила я. – Иногда со мной такое случается.

– Тебе следовало бы сходить в спортзал. Это хороший способ выпустить пар. И крепкому сну благоприятствует.

– Спортзал, – невыразительно произнесла я.

Бенджи засмеялся:

– Да. Ты попробуй разок, пойдем со мной. Если не полегчает, значит больше не пойдем.

Я подумала пару мгновений.

– Может быть.

Бенджи покачал головой и развел окровавленными руками.

– Приму за обещание.

Я оставила его перед общежитием «У Чарли», чувствуя, как он смотрит мне вслед. Но оглядываться не стала. Если вести себя уж слишком мило, может создаться неправильное впечатление – например, что я хочу подружиться или, в случае с Бенджи, даже больше. Так что я милой и вежливой не была. Во всяком случае, старалась не быть. Но иногда прежняя я прорывалась на поверхность.

Дорога домой оказалась холодной и одинокой. Возможно, за те двадцать минут, что Бенджи торчал рядом со мной, я успела привыкнуть к компании. Но этого-то я не хотела. Я открыла ключом-картой дверь в свое общежитие и вошла в коридор, проклиная Бенджи – пробудил во мне то, что я не желала будить.

Я, как обычно, направилась к лестнице, но по дороге мне все же пришлось пройти мимо лифта. В памяти вспыхнули глаза матери. Морщинка между ее бровями и странное выражение глаз – за миг до смерти. Отец всегда говорил, что она была нестигаемой. Такой

она оставалась, даже испуская последний вздох. В ее глазах было так много печали... из-за того, что она оказалась не в силах спасти меня, из-за долгой жизни, которой, как она считала, я лишаяюсь... Она совсем не думала о себе в последние мгновения, взглядом просила у меня прощения, и я сквозь грязную тряпку, которой был завязан мой рот, произнесла это прощение. Вот только себя не могла простить.

Замок на двери комнаты щелкнул, и только в этот момент я осознала, что не заметила, как поднялась по лестнице на два этажа. Мои мысли были далеко, и я совершенно не замечала, куда иду. Это меня беспокоило. Я толкнула тяжелую деревянную дверь, закрыла ее за собой и прислонилась к ней спиной. Потянувшись к выключателю, включила и сразу выключила свет, заперла замок и направилась к кровати, бросив сумку на потрепанный двухместный диванчик на другом конце комнаты.

Не раздеваясь, я упала на кровать, лицом в подушку. Из горла вырвался стон, достаточно громкий, чтобы его услышала моя соседка Элли, стервозная красотка. Она с удовольствием твердила мне, что моя идиотская музыка звучит слишком громко, моя одежда слишком темная, а моя общественная жизнь – просто тоска. Но это было нормально, я гордилась тем фактом, что не слушаю примитивных песенок или не позволяю всем таращиться на мою грудь, надевая джемпер с глубоким вырезом, и что я не какая-нибудь неопрятная шлюха. Ладно, звучит грубовато, согласна. Но за четыре семестра в Кемптоне Элли успела завести связь по крайней мере с тремя преподавателями... и не только с ними, если верить ее хвастовству.

Я повернулась на бок, надеясь заснуть раньше, чем нахлынут ужасные воспоминания. Но вместо того чтобы спать или вспоминать, я уставилась на полоску света, что виднелась под дверью комнаты. И вскинула голову. Две темные полосы отчасти закрывали свет.

Ноги.

Мои мускулы напряглись, застыли – и одновременно словно вспыхнули огнем. Неважно, какой силы страх визжал в каждой моей клетке, меня тянула к себе опасность. Мне необходимо столкнуться с ней лицом к лицу, так же как в тот последний раз. И прежде чем здравый смысл успел вступить в свои права, одна моя рука уже отпирала замок, а другая – поворачивала ручку двери. Дверь распахнулась так быстро, что воздух из коридора ударил мне в лицо.

– Сайрус?... – прошептала я, слишком потрясенная, чтобы произнести это имя громко.

Он удивился не меньше, даже подскочил на месте.

– Э-э... вообще-то, лучше просто Сай. Спасибо.

– Что ты здесь делаешь?

– Прислушиваюсь.

– К чему?

– К твоей двери.

– К моей двери... – неживым тоном повторила я. Между нами повисло неловкое молчание, но потом я встряхнула головой, меня охватило возбуждение. – Что ты хочешь этим сказать? Что значит – «прислушиваешься к моей двери»? Зачем?

Сай вскинул руки ладонями вперед и вошел в мою комнату:

– Нет-нет, пожалуйста... Я не такой развратник, каким могу показаться. Просто хотел убедиться, что ты дома. В безопасности.

Он закрыл за собой дверь, сделав мне знак вести себя потише.

– Но почему? – спросила я, скривившись.

Сай выглядел растерянным и разочарованным.

– Я... я не знаю. Ты здесь одна. Делаешь опасные вещи. Я за тебя беспокоюсь.

Я прищурилась:

– Ты же ничего обо мне не знаешь.

Сай нервно переступил с ноги на ногу:

– Возможно, доктор Зет упоминал...

– Ох, черт! Что он тебе сказал?

– Прежде всего, что у тебя грязная речь.

– А еще?

– Что ты совершенно одна и постоянно рискуешь. Я же только что сказал...

– Я не нуждаюсь в том, чтобы за мной присматривали, – отрезала я, поворачивая дверную ручку.

Сай придержал дверь руками:

– Прости, что вот так ворвался. Не мог справиться с собой. Я много раз себе повторял, что не должен этого делать.

– И почему же сделал?

– Не знаю. Спокойной ночи.

С этими словами Сайрус вышел в коридор.

Я захлопнула дверь и заперла ее, но мои гнев и растерянность быстро сменились невольной улыбкой.

Глава 3

– С кем ночку провела?

Элли стояла в нескольких футах от меня в коридоре и запирала свою дверь, а я – свою. Длинные каштановые волосы спадали ей на спину безупречными локонами.

Мои волосы прежде были такой же длины, но Элли не приходилось каждый вечер «смывать» кровь с каждого волоска.

Она улыбнулась, топчась на месте; ее ноги, в милую длиной, обтягивала джинсовая ткань. Я бросила взгляд вниз, испугавшись: не сидят ли на мне джинсы точно так же? Не желаю ни в чем походить на Элли!

– Должна заметить, – сказала она, не дожидаясь ответа, – я удивлена, кем бы он ни был. Твоя новая прическа кого угодно перепугает.

– Вот и хорошо, – пробормотала я.

– Что?

– Говорю, что ты шлюха, – ответила я, набрасывая ремень сумки на плечо.

Такой ответ определенно стоил улыбки, я и улыбалась всю дорогу до аудитории.

Мой вязаный жакет, отделанный шнуrom, был недостаточно теплым, чтобы защитить от холода, и я крепко обхватила себя руками, спрятав ладони под мышки. Все вокруг уже надели теплые куртки и вязаные шапки, но я и не подумала о подобных вещах. В моем мозгу вертелись цифры и формулы пополам с чудовищными воспоминаниями, и еще... еще теперь я видела золотистые глаза одного «красавца», о котором не желала думать.

И все же думала о нем – много. На занятиях, вечером, в выходные и в лаборатории он не покидал моих мыслей. Я словно играла в игру: сочини для Сая историю, прошлое. Я гадала, было ли у него счастливое детство, или он сбежал в Кемптон от слишком властного отца... Но в каждом придуманном сценарии он был один и одинок, и неважно, как сильно мне хотелось презирать его, я не могла этого сделать, даже если он действительно намеревался захватить мое место ассистента по исследованиям. Я знала, что он определенно к чему-то стремится...

– Как думаешь, в чем его дьявольский план? – прошептал Бенджи мне в ухо.

Прошло две недели после того, как я врезала ему по носу дверью, и синяк уже побледнел.

– Чей? – спросила я.

– Сайруса.

– Почему ты спрашиваешь?

– У него что-то такое в глазах, понимаешь? Как будто он что-то задумал.

«Прекрати заглядывать в мою голову, Бенджи!..»

– Понятия не имею, – отрезала я.

Абсолютно правдиво, между прочим. Я этого не знала, и черта с два я дала бы Бенджи Рейнолдсу хоть малейший шанс заявить, будто между нами есть что-то общее.

– Пообедаем сегодня вместе? – спросил он.

– Конечно, – кивнула я, занося в ноутбук последнее указание доктора Зета.

Гораздо лучше обедать с Бенджи, чем жевать в одиночку в кафетерии. Он единственный студент в Кемптоне, который не болтает о своих великих проектах, да и посмотреть на него приятно.

– А теперь умолкни. Я могу что-то пропустить.

Я сосредоточилась на лекции доктора Зета. Из-за гаданий и теоретизирований о прошлом Сайруса я стала невнимательной на занятиях, и это уже сказывалось на успеваемости. Я всегда была студенткой группы «А», получала высшие оценки, а теперь на некоторых

курсах с трудом держалась во втором эшелоне. Доктор Зет заметил это, а когда он что-то замечал, не оставлял меня в покое, пока я не добивалась того, чтобы у него пропали причины за мной наблюдать.

И это было еще одной причиной ненавидеть Сая. Он превращался в огромный отвлекающий фактор.

– Опять ты за свое, – сказал Бенджи.

– Тсс!

– Ты снова на него пялишься. Надеюсь, это потому, что он похож на меня.

– Или, возможно, я подсчитываю, сколько еще точек он нарисует в своей тетради... а их уже двести тридцать девять.

– В самом деле?

– Да.

– Как ты можешь отсюда рассмотреть?

– Я обратила внимание на точки в его тетради еще в лаборатории, неделю назад. И теперь вроде как замечаю.

– Интересно, что бы они могли означать?

Я заглянула в тетрадь Бенджи – он рисовал буквы алфавита разными шрифтами, по-настоящему красивыми.

– А это что значит?

– Что мне скучно.

– Вот и ответ. Сайрус просто не умеет рисовать так же хорошо, как ты.

Бенджи улыбнулся, удовлетворенный ответом. Только я не сказала ему, что точки Сайруса всегда составляют затейливый рисунок, а иногда он добавляет к ним нечто похожее на иероглифы. Но я не собиралась исследовать привычки Сайруса, во всяком случае не с Бенджи, потому этот кусочек информации придержала для себя.

После лекции Бенджи старательно держался рядом со мной, и мы отправились в кафе «Джи-Джи», в нескольких кварталах от студенческого городка. Это было место наших неофициальных и абсолютно платонических свиданий – о чем мы, впрочем, никогда не говорили, иначе совместные обеды обрели бы некий смысл и мне пришлось бы от них отказаться.

– ...потому и сказал: «Значит, я был прав. Метеор – это вспышка света, а не куча обломков». Просто глупо, что он не видит разницы на таком уровне.

– Согласна, – кивнула я, прежде чем отпить глоток воды.

Я принялась за свой панини – жареный итальянский хлеб с овощами, – а Бенджи рассказывал мне новости о своей группе, жаловался на тупых соседей по общежитию и говорил, что ни за какие блага не присоединится к группе «Тета Тау», потому что не желает радовать вечного своего врага, президента студенческого братства Бобби Пека, страдающего комплексом Наполеона...

– В общем, я помню, ты говорила, что стала слегка отставать... – сказал вдруг Бенджи.

Он мялся, очевидно к чему-то подбираясь.

– И что?

– И... хочешь выкроить немного времени по вечерам для занятий?

– Я не могу. Мне нужно работать каждый вечер.

– Не каждый вечер, – с усмешкой возразил Бенджи. – Если оценки продолжают понижаться, доктор Зорба выставит тебя из ассистентов.

Я в бешенстве уставилась на Бенджи:

– Кто тебе сообщил о моих оценках?

– Я просто предположил, когда ты сказала, что немного отстаешь.

Я пыталась вспомнить, действительно ли так много ему наговорила. Ведь если с Бенджи поделиться чем-то хоть отчасти личным, он забросает вопросами и попытками орга-

низовать акцию спасения. Наша дружба держалась на бесконечной добродушной болтовне Бенджи и моих едких ответах.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи.

– Конечно нет! – Бенджи отмахнулся от моего ответа широким жестом. – Я бы соврал, если бы не признался, что надеялся получить выгоду от твоей одаренности.

Я прищурилась:

– Ты что, идешь на попятную?

– И льщу тебе в надежде, что согласишься позаниматься со мной? Да.

– Я что, по-твоему, похожа на Элли Джонс? Лесть тебе не поможет.

– Элли Джонс? – Бенджи наморщил нос. – А с чего ты о ней вспомнила?

– Она переехала в комнату, соседнюю с моей.

– О! – воскликнул Бенджи. На его лице отразились те же эмоции, что захлестнули и меня при известии о новом распределении комнат. – Да... не повезло.

Бенджи прекрасно знал, что Элли никогда не упустит шанса оскорбить меня. Я не понимала, почему она выбрала именно меня для своих издевательств. Мама когда-то говорила, что люди вроде Элли в душе очень несчастны и для них единственный способ улучшить настроение – заставить других чувствовать себя еще хуже, чем они сами.

– Значит, лесть не сработает. А если я заплачу за твой обед, это поможет? – вполне серьезно спросил Бенджи.

– Да, – кивнула я.

Остатки моего наследства хранились в Кемптоне, в них входили и расходы на питание, но если бы я не удирала из студенческой столовой хотя бы раз в неделю, я бы взывала на луну. Кафе «Джи-Джи» стало единственной отдушиной, но десять долларов в неделю при моем жалком бюджете представляли собой серьезную сумму.

– А что, если я буду платить за твой обед каждый раз, когда мы будем приходить в «Джи-Джи», а ты поможешь мне добраться до конца курса доктора Зорбы? – спросил Бенджи.

В его предложении был смысл. Экзамены по курсу доктора Зета славились повышенной сложностью, и мне самой не помешали бы дополнительные занятия.

– Договорились.

Бенджи хлопнул ладонью по столу, будто что-то выиграл. Мы покончили с обедом, я сосредоточенно разглядывала автомобили, проезжавшие за окном, пешеходов, гуляющих с собаками, – что угодно, только бы не встречаться взглядом с Бенджи. Но он все равно был слишком рад тому, что нам предстояло встречаться регулярно, его глаза засияли ярче, и он не мог сдержать улыбку. Меня это тревожило.

После обеда мы с Бенджи прогулялись до моего общежития. Договорились заниматься дважды в неделю, а потом, за полмесяца до экзамена, встречаться даже трижды в неделю.

– Значит, начнем завтра? – спросил Бенджи.

– Только нужно закончить до моей вечерней работы в лаборатории.

– Отлично, можем заниматься с трех до пяти дня, заодно и поужинаем.

– Кафетерий – не слишком удобное место для занятий, к тому же дополнительные расходы придется вычестить из договора об обедах.

– Но мне и ужин по плечу. Невелика проблема.

Я уставилась на него, прищурив глаза:

– Как-то это звучит... запутанно.

– Ничуть. Мы ведь должны есть. А я должен заниматься. И в чем путаница?

– Ладно, но если хоть что-то пойдет не так...

– На сто процентов – никакой путаницы! – заверил меня Бенджи.

Выглядел он вполне уверенно.

– Хорошо. У меня последняя лекция заканчивается в половине третьего, я сразу беру вещи и встречаю тебя «У Чарли».

– Отлично, увидимся, – кивнул Бенджи и бодро зашагал прочь.

Я лишь округлила глаза и покачала головой. Бенджи Рейнолдс неисправим.

* * *

В 2.42 я стояла у входа в мужское общежитие. Достав сотовый телефон, набрала сообщение для Бенджи: мол, уже пришла. Но прежде чем успела отправить текст, Бенджи распахнул дверь.

Он был в серых штанах, простой белой футболке и зеленых кроссовках «Найк». Белые шнурки сияли идеальной чистотой, как и белые подошвы. Вид у них был такой, словно они только из магазина, но, зная Бенджи, я скорее предположила бы, что он каждый вечер чистит их зубной пастой.

Бенджи придержал дверь и снял с моего плеча рюкзак. Его бицепсы вздувались при каждом движении, и меня огорчил мой интерес к тому, как движется кожа на его мышцах, как на крепких предплечьях выступают вены. Наверное, я никогда прежде не видела его в одежде без рукавов. И уж конечно, я заметила это не потому, что в Бенджи хоть что-то могло привлечь мое внимание. По крайней мере, так я говорила самой себе.

– Прости, что пришлось ждать. Не надеялся увидеть тебя так рано, – сказал Бенджи.

– Почему? Говорила же, что приду сразу после лекции.

Я вошла в вестибюль мужского общежития и окинула взглядом тускло-коричневую мебель, деревянные панели и плакаты, которые могли понравиться только полным идиотам, вроде: «Нет, стерильные нейтрино не были кастрированы», или изображения Вэла Килмера в меховых домашних туфлях и с антенной на голове. Все это создавало атмосферу, подходящую к пустым лицам нескольких студентов, развалившихся на потертых кушетках и стульях. Кто-то глядел на экран маленького телевизора, другие таращились в пространство.

Бенджи исподлобья посмотрел на меня:

– Если честно, я вообще не думал, что ты придешь. Предполагал, что пришлешь сообщение, извинишься, и все.

Мне даже понравились его ожидания.

– А я здесь. Где твоя комната?

Бенджи повесил мой рюкзак себе на плечо и кивнул в сторону лестницы. Я пошла за ним по ступеням, потом направо – по длинному коридору, такому же скучному и невыразительному, как и вестибюль.

Обогнув угол, Бенджи остановился, повернул дверную ручку и широким жестом предложил мне войти. В отличие от дверей женских спален, здешние ничем не были украшены, щеголяя лишь сухими потертыми досками или блестящими буквами.

Комната Бенджи была безупречно чистой и современной. Кровать стояла сбоку, под маленьким окном со сломанными и запылившимися мини-жалюзи. Обогреватель цвета оружейной стали был в идеальном состоянии. Стены украшали мотки электрических проводов и световодов.

Письменный стол занимал всю соседнюю с кроватью стену. Судя по всему, треть столешницы служила чем-то вроде лабораторной стойки, там стояло множество маленьких пластиковых контейнеров, заполненных еще более мелкими пластиковыми ящичками, набитыми разными мелкими деталями, а к потолку был подвешен увеличитель. Еще на рабочей поверхности красовался осциллоскоп, блоки питания и мотки разнообразной проволоки. В центре стола, перед коричневым кожаным креслом, расположились четыре открытых ноутбука и один-единственный безупречно заточенный карандаш.

Десятки книг и папок были тщательно расставлены по алфавиту и цвету в книжном шкафу, встроенном в другой длинный стол в противоположном конце комнаты. Книги освещались голубыми диодными лампами, спрятанными за панелью позади книжных полок.

Здесь же я увидела вращающийся кристаллический монитор, который, судя по стопке лежавших за ним дисков, служил и домашним кинотеатром.

– Я могу всем этим управлять с помощью пульта и проверяю электронную почту, не вставая с кровати, – сообщил Бенджи.

Даже стены здесь были закрыты специальными белыми панелями. Я посмотрела на Бенджи, молча спрашивая объяснения.

– За ними скрыты цветные светодиоды.

– Зачем? Подбираешь цвет по настроению? А у вас такое разрешается?

– Мне бывает скучно, – пояснил Бенджи. – А управляющего я не спрашивал. Мне бы наверняка не разрешили. И если кто-то это увидит, уверен, мне велют все убрать.

– А заодно выкинут тебя из общежития и, возможно, из студенческого городка.

Бенджи выдвинул стул, стоявший у письменной части стола.

– Хочешь заниматься здесь или предпочтешь кровать?

– Прости, не поняла? – задохнулась я.

Я изумилась не потому, что была девственницей. Как раз наоборот. После смерти родителей я словно взбесилась и готова была отдаться любому – хоть мужчине, хоть женщине, – лишь бы те не возражали, что я забудусь на часок-другой. Но мысль о том, что Бенджи предлагает секс так небрежно, меня встревожила. Бенджи был предсказуемым, и мне необходимо, чтобы он таким и оставался.

– Заниматься хочешь за столом или на кровати?

– За столом, – ответила я, придвигая стул.

Я села, глубоко вздохнула, сбрасывая напряжение. С треском открыла первую книгу, «Область астробиологии», и достала из рюкзака свои заметки. Бенджи сравнил наши конспекты с двух последних лекций, после мы молча прочитали заданные главы, отрываясь, лишь когда у Бенджи возникал вопрос.

В половине пятого в дверь Бенджи постучали. Он улыбнулся и спрыгнул со стула. И только в этот момент я заметила пластиковое ухо в пару футов высотой, висевшее на его двери. Я наблюдала за тем, как Бенджи пересек комнату и открыл дверь, чтобы поприветствовать тощего прыщеватого мальчишку, державшего в руках два небольших бумажных пакета. Бенджи сунул руку в карман и протянул мальчишке деньги, затем пинком ноги закрыл дверь и бросил мне пакет.

– Что это?

– Ужин, забыла? – Бенджи наклонился к маленькому холодильнику, приютившемуся под письменным столом.

Достал бутылку воды и, отвинтив крышку, поставил передо мной, после снова уселся за стол.

– Ох, – выдохнула я, открывая пакет.

Я заглянула в него, и острый аромат китайской кухни ударил в нос. Рот тут же наполнился слюной. До этого момента я и не осознавала, насколько проголодалась.

– Спасибо.

– Тебе ведь нравится жареный цыпленок с рисом, да? И с добавкой соевого соуса?

– Нравится, – кивнула я, удивленная тем, что Бенджи это известно.

Мы ведь никогда с ним никуда не заходили, кроме кафе «Джи-Джи».

Расправившись с рисом, я достала из рюкзака салфетку, вытерла рот и отодвинула пакет.

– Мне уже пора, – сообщила я. – Еще раз спасибо за ужин.

Бенджи просиял:

– Хочешь в следующий раз что-нибудь особенное?

Я качнула головой, укладывая вещи в рюкзак:

– Мне все равно. Попрошайкам не следует быть слишком разборчивыми.

– Ты не попрошайка. Это система бартера.

– Съем все, что угодно.

– А что, если мы иногда будем куда-нибудь ходить? Ужинать. Ты можешь садиться за руль.

Бенджи отлично знал, что у меня нет машины. А значит, подразумевал, что я смогу водить его годовалый «форд-мустанг», оранжевый с черными гоночными полосами. Его мотор ревел так, что всякий знал о приближении Бенджи. Это был подарок родителей Бенджи за его поступление в колледж, и, по моему мнению, он должен был привлечь к Бенджи внимание девушки, ценящей дорогие вещи, из хорошей, уважаемой семьи.

– Нет, Бенджи. Увидимся завтра.

– Но это же не свидание! То же самое, что сегодня. Разница только географическая.

– Ничего такого не будет.

– Никакой путаницы, помнишь?

Я не ответила, и Бенджи зашел с другой стороны:

– Тогда, может быть, в обеденное время?

– Конечно, – ответила я, стараясь не думать о том, какая надежда светилась в улыбке Бенджи, когда я закрывала за собой дверь.

Я прислонилась к стене. Бенджи был умен, и мне слишком понравился этот день. И пахло от парня хорошо. Но такая его забота опасна, причем для нас обоих.

Дверь стремительно распахнулась, в коридор выскочил Бенджи с бутылкой воды в руке.

– Рори! – закричал он, не заметив, что я совсем рядом.

Я выпрямилась, притворяясь, что вовсе не жалела только что сама себя, и попыталась совладать с чувствами. Лицо Бенджи было так близко к моему лицу, что я ощутила на губах его дыхание.

– Что? – резко бросила я.

– Ты воду забыла. – Бенджи отступил на шаг и протянул мне бутылку. – Ты в порядке?

– Да. Немного устала.

Прежде чем Бенджи успел ответить, я пошла прочь. Я сделала вид, что мне на все наплевать, и вздохнула с облегчением после той путаницы чувств, что навалилась на меня секундой раньше. С каждым шагом внутренний конфликт угасал, и состояние стервозности, к которому я уже привыкла, стало брать верх.

– Извини! – Крик Бенджи настиг меня у выхода.

И одного этого слова оказалось достаточно, чтобы я снова вывалилась из комфортной для меня зоны, и чувство вины опять кольнуло меня изнутри. Я выскочила из общежития и быстро пошла к Фицджеральд-билдинг, от моего дыхания перед лицом клубились белые облачка.

Каковы бы ни были причины, по которым я нравилась Бенджи, – они неправильные. И если мне придется повторять это себе по тысяче раз в день, так тому и быть. А если этого окажется недостаточно, буду напоминать себе, что, сблизившись с Бенджи, я неизбежно причиню ему боль. И если я действительно о нем беспокоюсь, то не должна позволять ему даже думать о связи со мной, способной разрушить его жизнь. Я должна беспокоиться о нем настолько, чтобы оттолкнуть прочь. Я совсем запуталась. Печальная история. Случай вынужденного милосердия.

Может, я как раз поэтому ему нравлюсь? Он жалеет меня. Эта мысль, верная или нет, тут же смахнула всю ерунду, заполнившую мою голову.

Согласна на что угодно, лишь бы это помогло.

Дверь лаборатории захлопнулась за мной, я направилась к рабочему месту.

– Почему бы тебе не надеть куртку? – спросил Сай из-за своего компьютера.

Я ничего не ответила.

– Что это значит? Ты же простудишься.

– Простуда случается из-за микробов. – Я принялась за первую порцию данных. – Это бабушкины сказки: «Если зимой выйдешь на улицу с мокрыми волосами, обязательно заболеешь». Неправда все это.

– В бабушкиных сказках всегда есть доля правды.

– Ты уже занес в таблицы эти графики изотопов? – Я встала и помахала листом с записями.

Сай поднял голову и слегка прищурился:

– Еще нет.

– Они очень важны, ты же знаешь.

– Знаю.

– Тогда почему возишься с этими копиями?

Сай снял очки и аккуратно положил их на стол рядом с собой. Он молчал. И смотрел на меня.

– Я злюсь! – заорала я.

– Это я чувствую.

– Тогда чего ты на меня тарачишься? Разве тебе не полагается спросить, что случилось?

– Ты бы все равно не ответила.

– И что? – снова закричала я, тяжело дыша. И упала на свой табурет. В комнате целую минуту царила тишина, прежде чем я снова заговорила: – Все, я успокоилась. Спасибо.

– Да не за что, – ответил Сай, возвращаясь к своему компьютеру.

Глава 4

Прошло две недели наших занятий. Бенджи внимательно смотрел на меня, ожидая другого ответа.

– Все равно нет, – бросила я, обеспокоенная тем, что он не обратил внимания на прошлый отказ и продолжал гнуть свою линию.

Бенджи усмехнулся:

– Ты же сама только что сказала, что нам следует встречаться в другом месте.

– Но мы не можем заниматься в спортивном зале.

– Мы можем все, что нам вздумается.

Я сделала большие глаза.

– Это значит «да»? – спросил Бенджи.

– Нет. Все равно нет!

– Всего разок. Сходи со мной один раз, и я больше никогда тебя об этом не попрошу. Я обещаю бесплатный ужин, за который не нужно будет проводить урок.

– Я кто, по-твоему? Шлюха, которой платят едой? Я сказала – нет!

Полчаса спустя мы уже были в спортзале. Я болталась в футболке «Роллинг стоунз», черных рейтузах и высоких кроссовках, тыча в кнопки управления беговой дорожкой, и пыталась представить, где мне доведется съесть бесплатный ужин. Бенджи был рядом, он уже бежал на своем тренажере, непрерывно болтая. Он даже не задыхался, и на нем была футболка, которая мне нравилась больше всего. Темно-бордовая, с желтой надписью: «Вливайся в ряды идиотов! У нас есть число π!»

Я нажала на зеленую кнопку, и дорожка пришла в движение. Я вцепилась в поручни так, будто меня могло утащить в некую огненную яму.

Бенджи расхохотался:

– Все в порядке, Рори! Она тебя не съест!

– Ты этого знать не можешь, – возразила я.

Бенджи наклонился ко мне и несколько раз нажал на кнопку.

– Ты что делаешь? Свои кнопки жми!

Дорожка задвигалась быстрее, мои ноги тоже.

Я бежала рядом с Бенджи, только в два раза медленнее, но уже задыхалась. В старших классах школы я играла в волейбол. Могла целый день носиться по площадке и даже не потела. Тогда у меня были подруги, и они мечтали о таких же, как у меня, блестящих густых волосах и безупречной персиковой коже. Меня только-только начали замечать мальчишки... А потом я умерла и вернулась в виде злобной, бритой, бледной отшельницы с пирсингом, которая жадно хватала ртом воздух после медленного двухминутного бега.

– Как это выключить? – спросила я.

– Ты не выключишь, – ответил Бенджи. – Просто беги, и все.

– Я не хочу ей подчиняться! Хочу идти шагом!

– Но сердечные данные в порядке, посмотри на табло. Никто ведь не знает, когда придется убежать ради спасения жизни.

Я приподняла бровь:

– Это, знаешь ли, очень зловеще звучит.

– Зловеще, но верно, – возразил Бенджи и нажал кнопку на своем тренажере, увеличивая скорость.

Я спрыгнула с дорожки, предоставив ей вертеться без меня. Фонтанчик с водой журчал всего в нескольких футах от меня, и я пошла к нему как можно медленнее, чтобы не показывать, насколько безумно мне хочется пить.

– Ты, должно быть, заблудилась, – послышался за спиной голос Элли.

Я замерла, потом обернулась, заставив себя расслабиться.

– Решила стать членом какой-то команды, да?

– Нет. Просто так зашла.

Элли соорудила гримаску:

– Чего это ради?

– Просто зашла с другом.

Элли коротко рассмеялась:

– Теперь очевидно, что ты врешь. У тебя нет друзей.

Она промокнула шею полотенцем. Ее груди дерзко торчали, натягивая пурпурную футболку, а задницу облегали штаны-капри для занятий йогой. Выглядела она так, словно некие боги задумали создать безупречное тело, а потом слишком устали, чтобы вложить в него достойную душу.

Бенджи прошел мимо Элли и остановился рядом со мной:

– Хочешь испытать себя на подъем веса?

Элли в ярости отступила на шаг и скрестила руки на груди.

Бенджи наконец заметил ее и кивнул:

– Привет, Элли.

– Это ты привел ее сюда?

Я посмотрела на Бенджи, совершенно растерявшись.

– И что? – спросил он.

Он говорил совсем не грубо, но у Элли щеки покраснели от злости.

– Ты это серьезно? Ты что, пытаешься заставить меня ревновать? Вот... к этому?

Элли снова засмеялась, но в ее смехе не слышалось веселья.

Мне стало не по себе, я повернулась, посмотрела на Бенджи. Он выглядел искренне озадаченным.

– Нет, – возразил он, глядя на меня и качая головой. – Ерунда какая-то...

Он развел руками.

– Ты...

Я не смогла договорить. Не могла произнести эти слова.

Бенджи снова покачал головой:

– Да я понятия не имею, о чем она говорит!

Краем глаза я заметила, как Элли расплылась в усмешке. Неужели она настолько омерзительна, что сделала вид, будто встречается с Бенджи, лишь для того, чтобы лишить меня единственного друга?

Я сжала ладонями щеки Бенджи и прижалась губами к его губам. Все тело Бенджи напряглось, но тут же расслабилось, и он прижал меня к себе. Его губы раскрылись, и то, что задумывалось как короткое касание, превратилось в долгий, глубокий поцелуй, и пальцы Бенджи впились в мою кожу...

Наконец я оттолкнула его, и мы уставились друг на друга.

– Могу поспорить, вот теперь она ревнует. – Я покосилась на Элли.

– Да кого это интересует? – фыркнул Бенджи, не в силах отвести от меня взгляд.

Он совершенно не задыхался на беговой дорожке, теперь же дышал очень тяжело.

Элли разинула рот, а потом развернулась и пошла прочь, разметав волосы по спине.

Когда она ушла, я указала на механическую штангу:

– Это?

Бенджи кивнул и с растерянным видом повел меня к хитроумной штуковине.

Я устроилась на сиденье, выдернула металлический стержень из нижнего отверстия и поставила в верхнее. Впервые за три года взялась за поднятие тяжестей. Тридцать пять фунтов выглядели неплохо для начала.

Я толкнула перекладину вверх до затылка, а потом медленно отпустила. Одна попытка за другой, и Бенджи наблюдал за мной, не говоря ни слова.

– Я хотя бы правильно это делаю?

– Ты все делаешь абсолютно правильно, – моментально откликнулся Бенджи.

Я отпустила перекладину, и штанга рухнула вниз.

После короткой паузы я вздохнула:

– Я все-таки немножко подло поступила с Элли. Вот так.

– Не думаю, – возразил Бенджи, и в его мягких карих глазах вспыхнула надежда.

– Кстати, ты прав, – сменила я тему. – Такие тренировки помогают выпускать пар. Может, я и буду сюда приходить утром по субботам. Один раз можно и пропустить наши занятия.

Бенджи мгновение-другое смотрел на меня, потом опустил взгляд и засмеялся:

– Да, насчет субботы я согласен.

Но когда он снова глянул на меня, на его лице читалось такое разочарование, что мне стало не по себе.

– Ладно, пойду-ка я в лабораторию. – Я ткнула за плечо большим пальцем.

И тут же боль обожгла спину, а громкий хлопок отозвался эхом во всем зале.

Парень почти на голову выше Бенджи проскочил мимо меня, глупо ухмыляясь.

– Ты как раз вовремя привел сюда эту задницу, – хихикнул он.

Бенджи схватил наглеца за руку, швырнул на пол и упал на него сверху. Его рука взлетела в воздух, ладонь превратилась в крепкий кулак. Но, не нанеся удара, Бенджи оттолкнулся от парня и встал.

– Да я просто пошутил! – заорал парень.

– Больше никогда не прикасайся к ней, понял? – прорычал Бенджи, а на его лице отразилась гамма чувств.

Он протянул руку и помог парню встать. А потом быстро увел меня из зала к своей машине.

Мы не разговаривали все те пятнадцать минут, за которые доехали до Фицджеральд-билдинг. Я отковыривала с ногтей черный лак и смотрела в окно. Наконец «мустанг» остановился у края тротуара, дверца с моей стороны со щелчком отперлась.

– Прости, Рори, – со вздохом сказал Бенджи. – Не понимаю, что вообще произошло.

Он не смотрел на меня, уставился в пространство перед собой.

– Да все в порядке. – Я передернула плечами.

И внезапно увидела Бенджи совершенно с другой стороны. До этого момента я не позволяла себе ответить привязанностью к слегка раздражавшему меня типу, не способному правильно оценить ситуацию. А он вдруг оказался настоящим задирой... Мне захотелось его поцеловать еще раз в ту самую секунду, когда закончился первый поцелуй. И теперь я изо всех сил боролась с этим желанием. Бенджи посмотрел на меня и мгновенно понял, о чем я думаю. Его взгляд остановился на моих губах, а рука потянулась к моему колену. Мы приблизились друг к другу. «Господи, я и вправду собираюсь это сделать...»

Телефон Бенджи вдруг зазвонил, монитор осветился. Наши тела расслабились, и я посмотрела на трубку. Имя над номером перевернуло мой мир. Оно было написано большими белыми буквами – «ЭЛЛИ».

Я уставилась на Бенджи. На его лице отразилось настоящее отчаяние.

– Я могу объяснить...

– Лжец! – прошипела я, схватила рюкзак и с силой хлопнула дверцей машины.

Я промчалась вверх по ступеням, через двойные стеклянные двери, ворвалась в вестибюль и повернула направо, бегом устремившись к лестнице, что вела в подвал.

Сай стоял перед открытой дверью лаборатории.

Я замерла на последней ступеньке, постаралась взять себя в руки, зашагала по коридору и вошла в лабораторию. Ощущая себя деревянной куклой, уселась на табурет.

– Эй, ты в порядке? – спросил Сай.

– В полном, – ответила я, таращась на клавиатуру перед собой.

– Тебя кто-то обидел?

Я качнула головой.

– Вид у тебя... разочарованный.

Ясно было, что Сайрусу неловко говорить со мной на такую тему, и то, что он все же попытался, значило многое, но от этого я лишь сильнее разволновалась.

Я глубоко вздохнула:

– Разочарована в самой себе.

– Значит, не страшно, что ты опоздала. Жизнь – это нечто большее, чем просто работа.

Я посмотрела на часы в нижнем правом углу монитора. Сайрус прав. Опоздала на десять минут.

С трудом сдержав улыбку, я бросила взгляд на Сайруса:

– Спасибо.

Он откашлялся и принялся щелкать клавишами:

– Да не за что.

– А могу я попросить тебя об услуге посерьезнее?

– Э-э... да, конечно.

– Ты мог бы... – Ох, я почувствовала себя ужасной дурой, даже мысленно произнося эти слова. – Ты мог бы завтра на занятиях сесть со мной?

Сай уставился на меня и смотрел ужасно долго, потом его взгляд obeжал помещение. Он несколько раз моргнул и наконец кивнул.

– Я понимаю, это глупо... Но у меня есть причина, честное слово.

Сайрус снова кивнул и вернулся к работе. Если бы в этот момент я могла растечься в лужу и просочиться сквозь пол, я бы так и сделала... но вместо того сосредоточилась на листах с данными, которые доктор Зет извлек из своих объектов за неделю.

* * *

На следующее утро я ждала Сайруса у своей парты и молилась, чтобы он пришел раньше Бенджи. Было так рано, что мне пришлось торчать снаружи, пока не закончилась предыдущая лекция.

Как только Сайрус появился в дверях и посмотрел на меня, я глубоко вздохнула, заметив, что сдерживаю дыхание. Он поднялся по проходу, прошел половину ряда до моего места и устроился там, где обычно сидел Бенджи.

– Я перед тобой в долгу. Seriously.

Сай не понимал сути моей просьбы. Он, скорее всего, и не знал, чье место занял, а я не собиралась ему ничего объяснять, опасаясь, как бы не передумал.

Несколько мгновений спустя вошел и Бенджи, вид у него был мрачный. Он посмотрел вверх и сразу увидел Сайруса. Я надеялась, что Бенджи сядет ниже, но он поднялся по ступеням и повернул в наш ряд. Мое сердце с такой силой заколотилось о грудную клетку, что даже лицо задрожало.

Бенджи прошел мимо нас с Сайрусом – и устроился по левую руку от меня.

Я сидела, напряженно выпрямившись, совершенно к этому не готовая, надеясь, что Бенджи хотя бы будет помалкивать. Но он, конечно, не удержал рот на замке.

Повернулся ко мне, неуверенно и нервно, уголок его рта дернулся.

– Я пытался дозвониться до тебя.

Я не ответила.

– Я приходил к тебе в общежитие. Похоже, ты не заходила домой после лаборатории.

Я молчала, глядя перед собой. Краем глаза видела, как Сайрус посмотрел в нашу сторону.

Бенджи наклонился ко мне и прошептал:

– Можем мы поговорить об этом? Пожалуйста, позволь мне объяснить. Рори... прошу тебя... Мы ведь только начали во всем разбираться. Я...

Вошел доктор Зет, я открыла ноутбук и уставилась на пустой монитор. Потом записала дату и постаралась смотреть четко в лоб доктора Зета.

Сайрус подался вперед:

– Я не уверен, что она готова обсуждать с тобой что-либо сейчас. Может, потом, после занятий.

Бенджи вздохнул и откинулся на спинку стула.

Сайрус снова заговорил:

– А поскольку между вами двоими происходит нечто неприятное, было бы весьма любезно с твоей стороны поискать себе другое место, чтобы Рори могла сосредоточиться на лекции.

Бенджи кивнул и схватил свой рюкзак. Протолкнувшись перед Саем и мной, он поднялся по проходу выше и устроился где-то над нами.

– Спасибо, – прошептала я, все так же глядя перед собой.

– Я бы сказал, не за что, но, похоже, это не так.

Я коротко улыбнулась и мысленно поблагодарила доктора Зета за то, что начал лекцию раньше обычного.

– Сегодня нам нужно во многом разобраться, – заговорил доктор Зет. – Так что начнем, пожалуй. Кислородный фотосинтез...

Глава 5

Теперь я полностью ушла в занятия, ноутбук и собственную спальню. Две недели подряд Бенджи просил позволить ему объясниться – до занятий, после занятий, в сообщениях по телефону, – но каждый раз, когда мой гнев утихал, я сталкивалась в коридоре с Элли и ненавидела Бенджи с новой силой.

В первый день октября я ожидала увидеть Бенджи перед дверями аудитории, с неизменным жалобным выражением лица, но приятеля там не оказалось. Поначалу я не задумывалась об этом, но доктор Зет начал лекцию, а Бенджи так и не явился. Сайрус сел на место Бенджи лишь один раз, но Бенджи понял намек и держался в сторонке. Однако теперь, зная, что он не сидит за спиной, я почувствовала себя ужасно одинокой.

Я отправилась на обед, потом заглянула в лабораторию доктора Зета – Бенджи нигде не было. Мысли разбегались. Я гадала, не заболел ли он, или, возможно, уехал из города, или случилось что-то похуже... Он выглядел таким несчастным в последние недели, а я игнорировала его...

Наконец я достала из кармана сотовый. Бенджи не звонил и не присылал сообщений уже два дня. Я набрала его имя, а потом и сообщение.

Ты в порядке?

Он не ответил. Я сделала новую попытку:

Ты заболел?

Прошло пять минут – никакого ответа.

Я понимаю, что не обращала на тебя внимания, но сообщи хотя бы, что с тобой все в порядке.

Ответа не последовало, и я отправилась к общежитию. В это время студенты постоянно сновали туда-сюда, так что я без труда проскользнула внутрь и дошла до комнаты Бенджи. Постучала. Никто не ответил. Я постучала еще раз.

Высокий, худощавый старшекурсник в толстых очках остановился рядом со мной:

– Могу я чем-то помочь?

– Бенджи не пришел сегодня на занятия. Ты его видел?

Парень покачал головой.

– Нет, но он не запирает дверь, когда уходит, – объяснил он, поворачивая ручку. – Только когда сам дома.

Дверь открылась в темную комнату.

– Кто запирает дверь, когда сидит дома? – Я заглянула в комнату Бенджи.

Старшекурсник пожал плечами:

– Зато сразу понятно, что его нет.

Я закрыла дверь.

– Спасибо, – поблагодарила я и вышла из общежития, заглянула на парковку.

Оранжевый «мустанг» трудно не заметить... и его там не было.

Я отправилась в кафе «Джи-Джи», скрестив руки на груди. Дул сильный ветер, становилось все холоднее. На мне была белая футболка с длинными рукавами, поверх нее – зеленая без рукавов, а также джинсы и ботинки, но этого не хватало, чтобы согреться. Уши горели от ледяного ветра.

«Джи-Джи» почти опустело, лишь несколько припоздавших посетителей сидели за поздним обедом. Меня ничуть не удивило, что и здесь Бенджи не оказалось. Его «мустанга» перед зданием не наблюдалось, но я все равно должна была проверить.

Я вышла из кафе, соображая, куда еще он мог податься, и решила сходить в спортзал. Если и там нет, наверное, уехал на несколько дней к родителям. Может, он заболел и

ему пришлось обратиться к доктору. Здесь ведь о нем некому позаботиться – я не в счет, поскольку оказалась ревливой стервой, не дала даже шанса объясниться.

Когда я дошла до спортзала, солнце опустилось довольно низко. Ноги у меня болели, в желудке урчало, но все это ничего не значило, потому что я наконец увидела оранжевый «мустанг» Бенджи!

Я перебежала через дорогу и взлетела по лестнице, проскочив сквозь двойную дверь. Да, Бенджи был в зале, он покраснелся, вспотел, поднимая триста пятьдесят фунтов... Я подошла к нему, испытывая слишком большое облегчение, чтобы смущаться.

– Бенджи?

Его лицо вспыхнуло, он тут же встал, сбросил штангу с плеч. Он тяжело дышал, вид у него был утомленный, но он казался таким же несчастным, как и последние две недели.

– Ты не был на занятиях.

Он положил ладони на бедра, восстанавливая дыхание. Глаза у него налились кровью и были ужасно грустными.

– Можем мы... поговорить где-нибудь снаружи? – предложила я.

Бенджи кивнул, схватил куртку и пошел за мной в фойе и дальше, через стеклянную дверь. Мы спустились по ступеням. Я села на поребрик тротуара рядом с его «мустангом».

Бенджи накинул свою куртку мне на плечи и пристроился рядом.

– Прости, что не отвечал на сообщения, – тихо сказал он, уставившись в асфальт. – Я просто не мог снова прийти на занятия и увидеть гнев в твоих глазах, зная, что ты всего в нескольких футах, и не иметь возможности поговорить с тобой.

– Прости. Это было грубо и глупо.

Бенджи покачал головой:

– Нет, я это заслужил. Я не был честен с тобой.

– А я должна была позволить тебе объясниться.

– Нет, если ты не была готова. Так что мне понадобился перерыв.

– И ты провел здесь весь день? – удивилась я.

– Прости.

В животе у меня заурчало, и я прижала к нему обе ладони, словно они могли перекрыть шум.

– Ты что-нибудь ела? – спросил Бенджи.

– Я тебя ищу полдня.

Бенджи огляделся по сторонам и вздохнул:

– И в кафе заходила, да?

– И в твоё общежитие.

– Ты пешком обошла половину города?

– Ну... да. У меня ведь нет машины.

Бенджи снова вздохнул и опустил голову:

– Я урод. Идем-ка поедим.

– Я... – неуверенно начала я. – Я... мне, в общем, все равно, что было между тобой и Элли. Это меня не касается, черт побери. Я просто хочу, чтобы мы снова стали друзьями.

Бенджи подумал мгновение-другое. Похоже, это не то, что он надеялся услышать. Он сжал губы:

– Это можно.

– Да? Я понимаю, какое-то время будет неловко...

– Я ведь обещал, что не стану создавать проблемы, помнишь? Я, конечно, не говорю, что перестану тебя убеждать. Просто приму то, что ты мне дашь.

Я не удержалась от улыбки. А потом невольно ткнула его локтем в бок.

Бенджи рассмеялся:

– Видишь? Все уже возвращается к норме.

Мы встали, и Бенджи повез меня к «Джи-Джи», где мы впервые за долгое время поужинали вместе. И как ни забавно, оба заказали то, что едят на завтрак.

– Бисквиты с мясной подливкой, – сказала официантка, ставя тарелку перед Бенджи. – Фруктовая запеканка, – с улыбкой сообщила она, подавая мою тарелку.

Бенджи отделил вилок кусок бисквита и сунул в рот.

– У меня есть конспект сегодняшней лекции, если хочешь, – предложила я.

– Хочу, – кивнул Бенджи, проглотив бисквит. – Но ты ведь пропустила другие занятия?

– Уверена, мы с этим справимся.

– Насчет себя я и не беспокоюсь. Я сам решил пропустить день.

– А я сама решила поискать тебя.

Бенджи улыбнулся:

– Чувствую себя уродом из-за того, что заставил тебя беспокоиться, но не могу отрицать: мне очень приятно твое беспокойство.

– Это я была бы уродом, если бы не волновалась. То есть я хочу сказать, мне, конечно, не нравится вранье про Элли...

– Но это и вправду не то, что ты подумала, Рори.

– Тогда что она для тебя значит?

Бенджи покачал головой и заговорил с нервной улыбкой:

– Она для меня что-то вроде сотрудницы, но не больше...

– Сотрудницы? – переспросила я.

– Да, мы вместе делали лабораторные работы во время весеннего семестра в прошлом году. Поэтому и обменялись номерами.

Я поставила локти на стол и закрыла лицо ладонями. «Глупейшее недопонимание. Глупейшее...»

– Я задница, Бенджи. Я должна была дать тебе возможность все объяснить.

– Но если ты так на меня разозлилась, значит я тебя интересую достаточно, чтобы ревновать, верно?

– Ты всегда ищешь светлую сторону?

– Да.

Я улыбнулась. Мы разные до невозможности, но я начинала ценить это и не пытаться предъявлять Бенджи претензии из-за нашей непохожести.

– Удивляюсь, что ты не роняешь вилок, – сказала я.

Бенджи помедлил, перестав жевать:

– Почему?

– Ты же поднимал сумасшедшую тяжесть там, в зале. И что, все утро этим занимался?

– Почти. Так я избавляюсь от стресса еще со школьных времен.

Я сунула в рот кусок запеканки, жевала, прищурившись на Бенджи, и обдумывала его последние слова.

– Какой стресс? Ты похож на человека, у которого было идеальное детство.

– Да, родители у меня отличные, – кивнул Бенджи. – Но они ужасно много работали, так что отца почти никогда не наблюдалось дома. А нас приносили в жертву, как и многих других.

Я сжалась. С трудом сдержалась, чтобы не сказать Бенджи, что он понятия не имеет о «жертвах», но это была глупая произвольная реакция. Тот факт, что его родителей не убили, не означал, что парень не вправе пожаловаться.

– А как насчет твоего детства? Ты, наверное, часто ходила на концерты, – предположил Бенджи, кивая на мою футболку с принтом группы «Рамон».

Я засмеялась:

– Вообще-то, нет, пока не перешла в старшие классы.

– Значит, все последнее лето слушала музыку? Удивительно.

– Это точно, – согласилась я с напряженной улыбкой.

Он был прав.

– А твои родители как к этому относились? Мои бы точно были недовольны.

– Они... – Я умолкла, раздумывая над ответом, который не вызвал бы новых вопросов. – Они ничего не говорили.

Бенджи улыбнулся:

– Меня это почему-то не удивляет. Уверен, они понимали: ты все равно найдешь способ заняться тем, чем хочется. Даже интересно, каковы они. Как воспитали такой свободный дух.

Я задумалась над его замечанием. Никогда не чувствовала себя свободной духом. Скорее человеком, на которого давит чудовищное прошлое. Но Бенджи заставил увидеть в себе нечто такое, чего я не замечала прежде, – светлую сторону. И меня грела мысль, что мои родители, возможно, смотрят сейчас откуда-то сверху, довольные моим мужеством.

– Ты иногда бываешь просто потрясающим, – улыбнулась я.

– Да? – произнес Бенджи с надеждой во взгляде.

Мы проговорили час, после Бенджи помахал официантке с просьбой принести счет.

– Когда тебе нужно в лабораторию? – спросил Бенджи.

Я взглянула на телефон, проверяя время, и обнаружила, что мне звонили и Сайрус, и доктор Зет.

– Ох, черт... Я на час опоздала!

– Я тебя отвезу. И могу пойти с тобой и помочь как сумею.

Я покачала головой, вскочила и спрятала телефон в карман.

– Мне просто нужно очутиться там как можно скорее, чтобы не потерять место. Черт!..

Бенджи улыбнулся:

– Могу довезти тебя очень быстро.

«Мустанг» взвизгнул шинами, срываясь с места у кафе «Джи-Джи», а потом еще раз – когда резко остановился перед Фицджеральд-билдинг.

Я выпрыгнула из машины, придерживая дверцу и смеясь.

– Спасибо, что не угробил меня!

– Завтра позанимаемся?

Я мгновение-другое смотрела на Бенджи, гадая, хорошая ли это идея, а потом кивнула. «Какого черта, почему бы и нет?»

– Конечно, – ответила вслух.

Я захлопнула дверцу и повернулась, стремясь скорее подняться по ступеням ко входу, но Бенджи окликнул меня. Я быстро обернулась, окно с пассажирской стороны вмиг опустилось.

– А могу я снова сидеть рядом с тобой на лекциях?

Казалось странным отвечать Бенджи «да» после долгих «нет», но я все-таки не была настолько паршивкой, чтобы с легкостью выносить тоскливый взгляд Бенджи. Он ведь хороший человек. И заслуживал большего, чем я могла ему дать, но это не значило, что я должна над ним измываться в ответ на попытки стать моим другом.

– Да, – кивнула я.

Наконец я взбежала по ступеням и вошла в фойе. Шаг замедлила, лишь когда спускалась в подвал по северной лестнице, оценивая прошедший день.

Но как только я открыла дверь лаборатории и вошла внутрь, мгновения мирной тишины закончились и воцарился хаос.

Сайрус и доктор Зет бросились ко мне, выясняя, где я была, почему опоздала, с кем была, и так далее, и еще десяток других вопросов.

Я вскинула руки:

– Простите! Я шесть недель подряд работала каждый вечер! Мне необходим был небольшой перерыв!

– А позвонить не могла? – рявкнул Сайрус.

– Да, мне следовало позвонить доктору Зету. Простите, виновата.

Профессор хлопнул себя по груди:

– Я рад, что с тобой все в порядке. Конечно, ты очень много работаешь, и перерывы действительно необходимы, Рори. Но пожалуйста, бога ради, сообщай мне, когда снова решишь исчезнуть.

Исчезнуть. Во имя всего святого, я должна...

– Доктор Зет, мне очень жаль. Я не подумала.

Он отмахнулся от меня и направился к двери:

– Ладно. Мы обгоняем график, и все благодаря вам двоим.

И доктор Зет вышел из лаборатории, аккуратно закрыв за собой дверь.

– Эгоистка! – прорычал за моей спиной Сайрус.

Я резко развернулась, собираясь разъяснить, что не обязана отчитываться перед ним, но в ту же секунду Сайрус шагнул ко мне, обхватил обеими руками, и его пальцы впились в мою кожу.

– Я уж думал... – пробормотал он хриплым от волнения голосом.

А я стояла, не зная, что делать. Ко мне давно никто не прикасался вот так, и все же я чувствовала себя совершенно естественно, будто Сайрус уже сотни раз сжимал меня в своих руках. Я медленно обняла его в ответ и опустила подбородок на его плечо. И чем дольше он держал меня так, тем лучше мне становилось.

Спустя долгую минуту Сай ослабил хватку и отступил на шаг назад.

– Приношу извинения, – тихо сказал он.

И устоялся в пол, а потом поправил очки, сползшие на кончик носа.

– А что ты подумал? – спросила я.

Сайрус покачал головой, отвернулся и пошел к рабочему столу.

– Я не страдаю депрессией, если ты об этом, – уточнила я.

– А я и не думал, что ты решила покончить с собой, Рори.

– Тогда что?

– Я просто... просто не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Я усмехнулась и бросила рюкзак на пол около своего стола.

– Кое-что со мной уже случалось. Поэтому можешь не тревожиться.

Сай открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал.

Глава 6

В течение следующего месяца мы с Бенджи дважды в день перекусывали вместе, почти каждый день, и я вдруг заметила, что с нетерпением ожидаю этих моментов. Мои оценки вернулись к прежнему уровню, а Элли стала реже попадаться на глаза. И впервые с моего переезда в Хелену я улыбалась чаще, чем хмурилась.

Время, проведенное с Бенджи, словно укорачивало мои дни, часы работы с Сайрусом, который старательно меня игнорировал, укорачивали вечера. Мы могли сидеть друг против друга, почти не разговаривая, почти не встречаясь взглядами. Я задавала вопросы, в ответах на которые не нуждалась. Я даже попыталась обсудить курьез, когда Сай вдруг очутился возле моей двери несколько недель назад ранним утром, – надеялась, это заставит его разговариваться. Но Сайрус каждый раз умудрялся ответить одним-двумя словами, а то и вовсе сообщал, что слишком занят и ему некогда болтать.

Я делала вид, что все нормально, но мне ужасно хотелось врезать ему за то, что сначала так потрясающе обнял, словно действительно переживал, а теперь чуть ли не месяц подряд заставляет меня чувствовать себя невидимкой. Хотелось и себе врезать за то, что слишком уж разволновалась и вообще – позволила кому-то вызывать во мне такие чувства.

В вечер Хеллоуина, когда все наряжались кто во что горазд и торопились на вечеринки, мы с Сайрусом все так же сидели в подвале, загоняя в компьютеры цифры. Фицджеральд-билдинг – одно из старейших зданий в нашем кампусе, и зимний его обогрев стоил немалых усилий. А уж в подвале было особенно неприятно, в холодные вечера он превращался в холодильник.

Я отпила глоток воды из бутылки и отставила ее, потом натянула на ладони рукава свитера.

Сай откашлялся и впервые за долгое время заговорил со мной первым:

– Я мог бы поговорить с доктором Зорбой насчет обогревателя.

– Он никогда не согласится, – возразила я, вытирая губы краем рукава. – Не станет рисковать, он боится пожара и еще – что перепады температуры повлияют на его бесценные образцы.

– На образцы не повлияют. Они же из космоса.

– Точно. А там холодно.

– Кто знает, с какой планеты они прилетели, может, там как раз царят высокие температуры?

– Как на Венере?

– Именно. Я хочу сказать... уверен, такое вполне возможно. Надо подумать о каком-нибудь обогревателе пространства.

Я выжидательно посмотрела на него.

– Что?

– Ты никогда не слыхал шуток об Уране? Я разочарована.

– Что ты имеешь в виду?

Я хихикнула:

– Неважно.

И снова застучала пальцами по клавиатуре, заметив краем глаза недоуменный взгляд Сайруса. Я посмотрела на него:

– Что?

– Ты намного привлекательнее, когда улыбаешься, а смех у тебя вообще чудесный.

– Э-э... спасибо.

– Ты...

– Спасибо. Все в порядке. Я и так уже слишком много раз повторила «спасибо».

– Я просто хотел, чтобы ты... я не знаю, чего я хотел.

Он еще несколько мгновений таращился на меня, а потом вернулся к работе. Мое лицо запылало от прилившей к щекам крови, пальцы не желали делать свое дело, да и я не могла сосредоточиться на цифрах.

Сайрус встал и вышел из комнаты, не произнеся ни слова. А в тот самый момент, когда я решила отправиться на его поиски, он вернулся и положил на мой стол печенье «Шоколадные пальчики».

– Кошелек или жизнь, так говорят дети на Хеллоуин, да? – поинтересовался он.

– О, праздничная шутка? То есть я хочу сказать, это здорово. Я и не знала, что ты умеешь шутить.

– А я удивлен, что ты здесь. Сегодня же во всем кампусе костюмированные вечеринки.

Я покачала головой:

– Я не люблю вечеринки. Изредка бываю там, но всегда скучаю до смерти, а уж вечеринки на Хеллоуин избегаю любой ценой.

– А почему?

– Фальшивая кровь. Мертвецы. Костюмы из рванья. Мне все это совсем не кажется смешным.

Сай усмехнулся:

– Пожалуй, согласен. Нам еще работать около часа, так? Ты не против, если потом я провожу тебя до дома?

– Зачем?

Мой вопрос застал Сайруса врасплох.

Он несколько раз моргнул, откашлялся:

– Мне кажется, моя настойчивая политика «избегать привязанности» была неправильной. Мы так много времени проводим вместе, в этой лаборатории, и мне бы хотелось узнать тебя немного лучше. Насколько это возможно за время до моего отъезда.

– Ты возвращаешься домой?

Сайрус кивнул.

– Когда?

– Скоро.

– Значит, ты поэтому всячески меня игнорировал? Знал, что уедешь?

Сайрус замялся:

– Мм... отчасти так.

– А в другой части что?

Сай неловко повертелся на стуле:

– Ты... ты меня заинтересовала.

Мне захотелось отдать салют самой себе. В редкие моменты, когда мы хоть как-то общались, я думала, что Сайрус очень мил, несмотря на отвращение ко мне. Оказалось, все наоборот. Сай считал меня интересной.

Я пожала плечами, стараясь сделать вид, что не польщена до глубины души.

– Если тебе хочется...

Сай улыбнулся и снова принялся за работу. Несмотря на то что мне было очень трудно сосредоточиться, я заставила себя углубиться в листы данных на столе. Но мысли блуждали, я пыталась понять, почему меня так тянет к Сайрусу. Он не принадлежал к моему кругу общения. Он скоро должен уехать. У него совсем не было футболок с принтами рок-групп, а значит едва ли у нас есть что-то общее. Но при всем этом не отпускало сильное ощущение, что жизнь свела нас по какой-то причине.

Часом позже я бросила последнюю страницу в корзину для бумаг и повернулась к Саю.

– Помочь? – предложила я.

– Нет, я делал кое-какие заготовки на завтра, пока ты заканчивала.

– Хвастун! – заявила я, хватая рюкзак.

Мы с Саем вышли из здания и зашагали к общежитию.

– Хочешь надеть мою куртку? – спросил Сай.

Я качнула головой.

– Рори, а какую ты выберешь специализацию? – поинтересовался Сай.

– Подумываю о биомедицине. Но мне и астробиология интересна, тем более что доктор Зет и мой отец... – начала я, но тут же умолкла.

– Астробиология? Нет ничего плохого в том, чтобы идти по стопам родителей. Там, откуда я родом, это в чести.

– Я просто почувствовала себя так, словно повторяю то, чего повторять не следует. – Я покачала головой. – Трудно объяснить.

– Думаю, я понял.

– Нет, думаю, не понял, – возразила я.

Это прозвучало неправильно и даже невежливо, но во мне вспыхивало непонятное сопротивление, когда дело касалось моих воспоминаний и боли. Никто не мог этого понять, даже доктор Зет. А с человеком, который бы понял или слишком сблизился со мной, пришлось бы делиться самым сокровенным, тем, что принадлежит только мне, и никому больше.

Когда доктор Зет, мой наставник или опекун, предлагал мне сочувствие и понимание, я давала понять, что все его слова лежат в тысяче световых лет от истины, как я ее понимаю. А притворяться – значило тратить впустую его время, и свое – тоже, чего я терпеть не могла. Мне казалось, что расходовать время понапрасну – слишком неправильно.

– Ты права. Это было необдуманно с моей стороны. Извини.

– А ты какую выберешь специализацию? – спросила я, делая вид, что не вызвала у нас обоих огромное чувство неловкости.

– Межпланетная культура.

Я коротко рассмеялась:

– Уверена, в Кемптоне такого нет.

– Я выбрал Кемптон для той части обучения, которую должен пройти за границей. Это включено в мой учебный план там, дома.

Мимо нас промчалась группа студентов, одетых в костюмы персонажей из «Волшебника страны Оз». И конечно, у Дороти были волосатые ноги и козлиная борода.

Сайрус улыбнулся, и мы пошли дальше.

– Ваша культура – одна из моих любимых.

– А ты не празднуешь Хеллоуин?

– Нет, но если подразумевать костюмы и выпрашивание конфет, то и ты его не празднуешь.

– Туше.

– Неужели это и вправду случилось? Я выиграл хоть какой-то спор? – усмехнулся Сайрус.

Я прищурилась на него:

– Ты, похоже, злорадствуешь?

– Пожалуй, да.

– И тебе от этого лучше?

– Да. Да, так и есть.

– Хорошо. Я бы сказала, это не в твоём характере, но ты действительно похож на злодьянского типа. И в целом – на хвастуна.

Сай, похоже, обиделся.

– Вообще-то, я точно не хвастун. Я как раз всегда стараюсь оставаться в тени.

– Нет. Ты определенно хвастун. Как объяснить вопросы, которые ты задаешь доктору Зету в аудитории? Они не относятся к теме лекции. Это хвастовство.

– Но разве университет не для того предназначен, чтобы получать знания?

– Но ты задаешь вопросы так, будто уже знаешь ответ.

– Рори, в твоих словах нет смысла, и они по-настоящему грубы.

– Я тебя не оскорбляю. Просто описываю.

Сай нахмурился:

– Но это не слишком приятный способ описывать кого-либо.

– Но я также думаю, что ты отчасти... в каком-то смысле привлекателен, а глаза у тебя невероятные! Надеюсь, это исцелит твое пострадавшее самолюбие.

– Нет.

Я пожала плечами.

– Значит, ты считаешь меня привлекательным? – спросил Сайрус.

– Вот, теперь ты напрашиваешься на комплимент. Хвастовство плюс это? Теперь я знаю, ты страдаешь нарциссизмом.

– Что? – воскликнул Сай, и его голос прозвучал на целую октаву выше обычного.

Я расхохоталась, согнувшись пополам и хватаясь за живот. Когда наконец успокоилась, то весело вздохнула:

– Ух... вот это и было мне нужно.

– Обидеть меня?

– Нет, посмеяться. Я просто дурачу тебя, Сай!

Он вытаращил глаза.

– Я шутила, морочила тебе голову, вот и все!

Он кивнул с нервным видом:

– А...

Я покачала головой и хлопнула его по руке, глядя наверх, на окна четвертого этажа, где находилась моя комната. Большинство окон были темными.

– Я пришла. Спасибо, что проводил и что потратил столько времени.

Он не обратил внимания на мои слова, указал на входную дверь.

– Но ты не собираешься ничего объяснить, так? – спросила я.

– Не думаю, что это необходимо.

– Значит, мои гипотезы насчет того, что ты меня преследуешь, верны?

Сай промолчал.

– Но почему?

– Я уже говорил. Хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

– И это все?

– Да, и по ряду причин мне необходимо было тебя увидеть.

– Зачем?

– А зачем тебе задавать так много вопросов, Рори?

– А ты разве не отстаиваешь свое право узнать как можно больше, пока учишься?

Сай опустил взгляд и глубоко вздохнул:

– Но, как и в колледже, есть вещи, которые мы не можем выяснить сейчас, необходимо подождать.

– Но мы их уже знаем.

Он осторожно улыбнулся, немного помедлил, прежде чем приблизиться. И притянул меня к себе; все мое тело напряглось.

Сайрус прижался теплой щекой к моей щеке и прошептал в ухо:

– Никто не знает всего на свете.

А потом отпустил меня и быстро ушел, засунув руки в карманы.

* * *

На следующий день в аудитории Бенджи сел рядом и тут же принялся докладывать мне обо всем, что произошло с момента, когда мы виделись в последний раз. Я открыла ноутбук, не слишком обращая внимание на болтовню Бенджи, и задумалась о предыдущем вечере. Было так здорово прогуляться с Сайрусом, поговорить о занятиях и о специализации вместо того камня. Я думала и о том, какая мягкая и теплая кожа у Сайруса и как хорошо от него пахнет...

Бенджи продолжал болтать, не замечая, что я ушла в собственные мысли, а потом пришел Сайрус. И сделал нечто такое, чего никогда не делал прежде. Посмотрел на меня. Но прежде чем я успела совершить какую-нибудь глупость, например помахать ему, он перевел взгляд на Бенджи – и лицо его сразу напряглось. Это не ускользнуло от Бенджи, они обменялись тяжелыми взглядами.

Бенджи наклонился ко мне:

– Мне показалось или он действительно странно на меня посмотрел?

– Тебе показалось.

Сай прошел на свое место, а Бенджи продолжил тараторить о том, как важно хорошо учиться, и о своем превосходстве над другими.

– Эй... – вдруг произнес он, не закончив фразу.

– А?

– Я все пытаюсь понять, то ли в глазах Сая была ревность, то ли любопытство.

– Ни то ни другое, не выдумывай.

Вошел доктор Зет, поздоровался и начал лекцию.

Но прежде чем я успела записать в компьютер число, Бенджи снова наклонился ко мне, и его карие глаза вспыхнули озорством.

– Ты не считаешь, что я вызвал у Сайруса ревность? Это ведь неприятно, да?

– Да что такое с тобой сегодня?

Веселые огоньки погасли в глазах Бенджи.

– Я видел, как он тебя провожал домой утром. Вы, ребята...

– Было два часа ночи. Почему ты болтался у моего общежития в такое время?

Бенджи захихикал:

– Я не болтался, я просто бегал.

– В два часа?

Бенджи пожал плечами:

– Не мог заснуть. Ты что, уходишь от вопроса?

– Нет. Мы не делали того, о чем ты думаешь. И... тише, я пытаюсь учиться.

– Нет, все в порядке, если он тебе нравится. Из-за меня беспокоиться не стоит.

Я посмотрела Бенджи в глаза. Он выглядел сильно огорченным.

– Я никогда не собиралась нравиться тебе.

Бенджи покачал головой:

– Да, знаю. Я просто... я всегда буду твоим другом. И неважно, ответишь ты мне тем же или нет. Мне не нужно, чтобы ты меня любила, для того, чтобы любить тебя.

Я перекосила рот, пытаюсь изобразить улыбку, а потом уставилась перед собой.

Он любит меня? С каких пор?

Наши отношения были строго платоническими с самого начала учебы. По крайней мере, я так считала. А теперь не знала, что и думать, а уж тем более не представляла, как реагировать.

– В самом деле? – прошипела я. – И ты мне говоришь такое? Ты серьезно?

– Прости, Рори, я не имел в виду...

– Все в порядке, – прошептала я, отмахиваясь. – Нам незачем обсуждать это сейчас.

– Разумно, – кивнул Бенджи, и его плечи расслабились.

Всю лекцию меня то начинало тошнить, то охватывал панический страх, и в то же время я была польщена и тронута.

– Идем сегодня в кафе? – спросил Бенджи.

Я лишь покачала головой и намеренно не стала интересоваться реакцией Бенджи. Его чувства уже вызывали у меня реакцию, которую я не могла одобрить, и мне это не нравилось. Хотелось вернуться к чисто дружеским отношениям, но очевидно, что это невозможно. Но я ведь никогда не просила его быть моим другом, не хотела ему нравиться или влюблять его в себя. «Да почему я должна чувствовать себя виноватой, если постоянно, с самого начала, соблюдала приличную дистанцию?» Я ни в чем не виновата. Это Бенджи оказался обманщиком. Он все испортил, да еще и теперь, когда наконец на горизонте появился Сайрус.

Я ощущала, как из-под безупречно отглаженной персиковой рубашки Бенджи сочится недовольство. «Какой уважающий себя парень носит персиковые рубашки... даже если этот цвет идеально подходит к его коже и глазам?... Или причесывается по моде девяностых годов, если уж на то пошло?..» Я пыталась гневом заглушить чувство вины, и на время это помогло.

Лекция закончилась, и я, схватив вещи, проскочила мимо Бенджи, даже не попрощавшись. Не знаю, пытался ли попрощаться он, я даже не взглянула на него.

Поскольку обеды на стороне закончились, а кафетерии колледжа в это время битком набиты неприятной публикой, я отправилась в Фицджеральд-билдинг – подготовить несколько образцов на вечер, для Сайруса. Надеюсь, это поможет переключить мысли на Сайруса, но никак не могла выбросить из головы «убитое» лицо Бенджи.

Впрочем, я уже решила: общение с Бенджи следует ограничить. Мы слишком сблизились, даже несмотря на глупую выходку Элли. Бенджи оказался хитер, а я – глупа. Мне не следовало его целовать. Я только теперь поняла, как он ко мне относится.

Мое лицо кривилось в гримасах, я озабоченно хмурилась, но и мои эмоции, и лицо вмиг успокоились, когда я увидела Сая; он уже занимался образцами.

– Привет, Рори. Не ожидал увидеть тебя здесь в такое время.

– Я собиралась сказать то же самое о тебе.

Я подошла к его столу, где стояли чашки Петри и лежали маленькие квадратные листки стикеров с последовательными числами.

– Похоже, я тебе вообще не нужна, – поддразнила я его.

– Ох, ты мне нужна! Даже не сомневайся.

Я стояла позади него и надеялась, что он обернется и подмигнет, или улыбнется, или еще как-то даст понять, что имел в виду нечто большее.

Но ничего такого не случилось. «Отлично, я тебе помогу».

– Что ты хочешь этим сказать?

Сайрус лишь вскинул брови:

– В каком смысле?

– Тебе нужна моя помощь вот с этим? – кивнула я на его стол.

– Да.

– Приятно слышать. Хотела понять, не подразумеваешь ли ты еще чего-нибудь.

Сай немного помедлил, снял очки в черной оправе и аккуратно положил на стол:

– Я пока закончил. Могу проводить тебя на следующую лекцию.

– И что тебя привлекает в таком провожании?

– Но так ведь принято, разве нет?

– Нет, с тех пор как миновали двадцатые годы.

Сай усмехнулся.

– Просто позволь тебя проводить. Незачем постоянно быть такой... задницей.

– О! Послушать только! Да ты ругаешься как настоящий студент!

Усмешка Сайруса превратилась в широченную улыбку.

– Правда?

– Нет. Наоборот. Я провожу тебя.

Мы шли не спеша. Плотный облачный покров принес с собой очередную волну холода, но ни один из нас, похоже, этого не замечал. Мы говорили о моих занятиях и о том, какой растрепанной стала борода доктора Зорбы. Много смеялись, и было так приятно болтать ни о чем. Затем остановились у киоска с едой, и Сай с ужасом наблюдал, как я заказала питу, начиненную жареными шариками из нута.

– Что? – спросила я, жуя на ходу.

– Очень странное блюдо.

– Фалафель.

– Ага, шарики в пите... Очень странно.

– Ты никогда не слышал о фалафеле?

Сайрус покачал головой.

– Это кухня Среднего Востока, – пояснила я, смущенная его смущением.

– Но я не обязан знать о нем просто потому, что его едят на Среднем Востоке. Ты знаешь все канадские блюда просто потому, что Канада расположена на севере Америки?

– Ладно, ладно, твоя взяла.

– Моя... что? Ты можешь повторить громче?

Мы остановились перед аудиторией, и я хихикнула над поддразниванием Сая:

– Очень смешно.

– У меня на сегодня занятия закончились, – с улыбкой сказал он. – Увидимся вечером.

– Ты не идешь сейчас в лабораторию? – спросила я.

– У меня назначена встреча.

– А ты уверен, что не хочешь проводить меня и на следующую лекцию? А потом – в общежитие? Я собираюсь подстричь волосы. Можешь и в этом мне помочь, – поддразнила я Сайруса.

– Могу, если хочешь, – ровным голосом ответил он.

Я никак не ожидала, что он ответит согласием.

– Стрижка – это что-то вроде ритуала. И мне, пожалуй, лучше заняться ею в одиночестве.

– Совсем не обязательно. Я могу быть рядом.

– Увидимся вечером, – улыбнулась я.

Сайрус попятился на несколько шагов и только потом развернулся, чтобы уйти. А я вошла в лабораторию доктора Зета и сразу заметила Бенджи, сидящего рядом с моим пустым стулом, он напряженно улыбался, и взгляд его был грустен.

– Ты пропустила обед. В кафе сегодня день картофельного супа.

– Нужно было подготовить кое-какие образцы на вечер.

Бенджи наклонился, помог мне подключить ноутбук, потом включил свой.

– Я могу помогать тебе в лаборатории, ты знаешь.

– Нет, вообще-то, не можешь.

– Я просто чувствую, как твоя работа лишает меня «времени Рори». Вроде как высасывает его.

Время Рори?!

– Гм, ты уж слишком...

Бенджи хихикнул и покачал головой, ожидая, пока загрузится его компьютер.

«Неужели то, что я чувствую сейчас, – это... хорошее настроение? А я вообще помню, что это такое?»

Как бы там ни было, очень хотелось задержать это состояние хоть ненадолго. Но тут мне пришло в голову, что я все утро не вспоминала о родителях, и хорошее настроение испарилось. Это показалось предательством, неуважением – провести целый день, не думая о них. Они заслуживали большего с моей стороны.

Оставшееся время занятий я смотрела в микроскоп, отмечала изменения в образцах и чувствовала себя виноватой. Виноватой в том, что не спасла родителей и свою лучшую подругу. Виноватой в том, что была жива, а они – нет. И я пообещала себе, что больше никогда о них не забуду.

Бенджи несколько раз пытался улыбнуться мне, но я не обращала на него внимания. Намек он понял, и замечательно: ему же самому будет лучше, если я стану прежней.

После лабораторной я сложила вещи и потащила наружу. Небо уже два дня скрывалось за темными серыми тучами, но теперь с них посыпались огромные снежинки. Я натянула на кисти рук шерстяные рукава свитера в попытке защититься от холода.

Посмотрела с верхней ступени лестницы вниз – и увидела Сая. И тут же невольно улыбнулась.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, спускаясь на десяток ступеней.

– Я решил принять приглашение и проводить тебя на следующее занятие.

Совершенно не думая, что делаю, я закинула руки ему на шею. Сая это ничуть не озадачило. Он прижал меня к себе, соединив руки на моей спине, и уткнулся подбородком в мое плечо. Я тоже прижалась лицом к его шее. От него так хорошо пахло... Я не могла надышаться. И это не одеколон – запах самого Сая. А его кожа была такой же теплой и мягкой, как и выглядела. Он позволил мне оказаться настолько близко к нему, насколько мне было необходимо, а потом, когда я захотела отодвинуться, отпустил меня.

Он не спрашивал, что случилось или как я себя чувствую. Просто молча пошел со мной к следующей аудитории.

Когда я остановилась у дверей, Сайрус заговорил:

– Я тебя подожду.

С тех самых пор, как мы впервые увидели друг друга, Сайрус подчеркнуто держался отчужденно, а теперь вдруг провожал меня на занятия... Ужасно хотелось задать ему множество вопросов, узнать, почему он перешел от одной крайности к другой, но я боялась, что, услышав их, Сайрус снова отдалится.

И поскольку не было смысла притворяться, что я не хочу его видеть или что он мне не нужен, я просто кивнула и вошла в аудиторию, радуясь мысли, что Сай будет стоять у выхода, когда занятия закончатся.

Глава 7

За несколько дней до каникул по случаю Дня благодарения улицы заполнились студентами и преподавателями с раскрасневшимися, но весьма довольными лицами, и почти все они держали в руках пластиковые стаканчики с чем-нибудь горячим. Но я не пила кофе, чай, содовую или горячий шоколад. Стоило выпить что-то, кроме воды, как в горле тут же пересыхало и саднило. Отец говорил, что это свойство передала мне мама – она тоже не пила ничего, кроме воды, до сорока лет, а потом впервые попробовала вино, и оно стало ее новым любимым напитком.

Боже, как же она была прекрасна... Даже в свой последний день на этой земле, с расплывшейся косметикой и завязанным грязной тряпкой ртом, она была истинным воплощением красоты. Когда мой отец был счастлив, он называл ее «милая» или «драгоценнейшая», а когда сердился, именовал Шарлоттой, но даже тогда ее имя звучало с любовью. В ночь, когда все мы умерли, отец произнес ее имя незнакомым мне тоном. Это было некое предостережение. И она сохраняла спокойствие, пока уроды не принялись связывать мне запястья, и тут уж она начала сопротивляться в крайнем отчаянии.

– Шарлотта, – сказал тогда мой отец, – сиди спокойно, любимая. Все скоро кончится. Просто позволь им взять то, за чем они пришли, и мы сможем отправиться домой. – Он посмотрел мне в глаза. – Все в порядке, милая. Все будет хорошо.

И в этот момент мама посмотрела на меня так, словно просила прощения. Она была яростной матерью, готовой наброситься на любого, кто отнесся бы ко мне дурно или неуважительно или заставил бы почувствовать себя не таким прекрасным существом, каким она сама меня считала. А ей пришлось смотреть, как мне связывают руки и затыкают рот. Читать мольбу в моих глазах и муку на моем лице, когда я наблюдала за тем, что они творят с моей лучшей подругой, которую я знала и любила с трехлетнего возраста. Все это убило мою мать задолго до того, как она умерла.

– Рори?

Я неподвижно стояла перед аудиторией физики малых частиц.

– У тебя потерянный вид, – сказал Бенджи.

– А с другими такого не бывает? – фыркнула я, отправляясь дальше.

Бенджи хихикнул, когда я проходила мимо него:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.